

Срам 95 РМБ
2017г

Всн 5760
 П 39

12

ВЕСТНИК

№ 1 ФИЛИАЛ

СВЯЩЕННОГО СИНОДА ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ В СССР.

Год издания четвертый.
 ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ.

№ 1 (24).

1928 год.

ПОДПИСКА на 1928 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

на 10 №№ — 6 руб., за пять №№ — 3 руб.

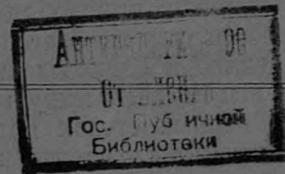
Цена отдельного № — 75 коп.

Двойного — 1 р. 50 коп.

Наложенным платежом журнал высылается на сумму не менее 3 рублей.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва, 10, Самотека, 2 Троицкий пер., д. № 6. Троицкое подворье, редакция „Вестника Синода“.

СОДЕРЖАНИЕ:

Часть официальная.

Священном Синоде №№ 14 и 15.

1. Грамота Вселенского Патриарха Василия III с приветствием митрополиту Московскому Вениамину по случаю исполнившегося тридцатилетия служения его в святительском сане.
2. Приветствие Вселенского Патриарха Московской Богословской Академии.
3. Приветствие Католикоса — Патриарха Грузии Пленуму Священного Синода.
4. Грамота Священного Синода Митрополиту Московскому Вениамину в день празднования тридцатилетнего юбилея.
5. Циркулярное обращение Священного Синода к Епархиальным Управлениям с поздравлением по случаю праздника Рождества Христова.
6. Циркулярное распоряжение Священного Синода о производстве сбора 5—6 января для обеспечения средств, необходимых для осуществления научного исправления церковно-славянского текста богослужебных книг и перевода его на русский язык и воззвание к чадам Православной Церкви по случаю добровольного сбора 5—6 января 1928 года.
- 7—8. Бюллетени Информационно-Организационного Отдела при

9. Указ Священного Синода Пермскому Епархиальному Управлению.
10. Протокол № 1 Заседания Пленума Священного Синода, от 22 ноября 1927 года.

Часть неофициальная.

11. Письмо в редакцию Митрополита Вениамина.
12. Празднование XXX-летия служения в святительском сане митрополита Вениамина. С. М. З.
13. Годичный акт Московской Богословской Академии.
14. Краткое извлечение из отчета о Московской Богословской Академии.
15. Доклад на Пленуме Священного Синода 22 ноября 1927 года Митрополита Александра Введенского.
16. Первые века христианства (к сектантам всех направлений) проф. В. З. Белоликова.
17. Новости библейской литературы. I. Новый папирус, содержащий отрывок кн. Деяний Апостольских. II. Вопрос о происхождении Апокалипсиса в современной литературе. Проф. С. М. Зарина.
18. Лекции из курса «Каноническое обоснование обновленчества». Протопресвит. П. Н. Красотина.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Подписчикам рекомендуется самим следить за подпиской, во избежание перерыва в высылке журнала. При новой подписке необходимо указывать, с какого номера высылать журнал. Присылайте корреспонденции о местной церковной работе.

От Просветительного Отдела Священного Синода.

„Вестник Священного Синода“ необходим каждому пастырю. Выписывайте журнал!

Богословские школы необходимы Церкви. Собирайте пожертвования на нужды богословского образования!

Если каждый верующий даст копейку в месяц — школы будут обеспечены. Организуйте временные богословские курсы!

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

Перевод с греческого на русский.

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ВАСИЛИЙ III ВСЕЛЕНСКИЙ ПАТРИАРХ, АРХИЕПИСКОП КОНСТАНТИНОПОЛЯ И НОВОГО РИМА.

№ протокола 3089.

Высокопреосвященнейший Митрополит Московский, во святом Духе возлюбленный брат и сослужитель Нашей мерности, Кир В е н и а м и н, — Председатель Священного Синода Российской Церкви благодать и мир Божий да пребудет с Вами и Высокопреосвященством.

С радостью решили мы послать Вашему маститому Высокопреосвященству сердечные приветствия и поздравления Наши по случаю исполнения и празднования тридцатилетия архиерейского служения Вашего. Беспеременно имея ум и сердце наше обращенными на положение дел в братской Рессийской Церкви, присно молимся и ожидаем в возможной скорости узреть благополучное обращение к сродному единодушию и единомыслию. Мы питаем великую надежду, что в эти трудные минуты Божественный Промысл соблаговолит в первых стезях Вашей архипастырской заботы обнаружить, что Ваша маститая досточтимость, долголетнее служение и опытность Ваши выведут на путь мира и единения Церковь, — что является ныне первою и самою величайшею обязанностью всех Ваших святых собратий архиереев и всей правящей церковной власти.

Да дарует Вам Господь и пастве Вашей успокоение и радость, что благодаря Вашему боголюбивому старанию и заботливости и всех сочувствующих Вам и желающих истинной помощи Церкви, вскоре возможно будет узреть единомыслие и единодушные во всех служащих во святой Церкви и благочестивых чадах ее. Сие все явится также величайшею радостью и для каждой нашей святой православной Церкви и всех, повсюду обретающихся, православных братий.

С любовью приветствуя Вас, просим у Бога да подаст Он Вам долголетие, здравие и спасение.

Константинопольский Вселенский Патриарх
Василий.

1927 ноября 11-го.

С подлинным верно:

Представитель Вселенского Патриарха и Архиепископа Синайского в СССР — Архимандрит **Василий Димопуло.**

№ 1012.

8 декабря 27 г.

**ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ
МИТРОПОЛИТУ АЛЕКСАНДРУ ВВЕДЕНСКОМУ,
Ректору Московской Духовной Академии.**

Его Всесвятешество Вселенский Патриарх Василий III-й и мой Кириарх поручает мне, по постановлению Священного Синода Вселенского Патриархата за № протокола 3249 от 29-го ноября, передать — в ответ на полученную от Вас телеграмму, — Вам, как Ректору Духовной Академии, и всем начальствующим, учащим и слушателям Академии наши сердечные пожелания, чтобы Академия — рассадник богословского образования и просвещения — была хранительницей и исполнительницей заветов прежних духовных Академий в духе церковного православия.

Представитель Вселенского Патриарха и Архиепископа Синайского в СССР Архимандрит **Василий Димопуло.**

**МОСКВА, СВЯЩЕННЫЙ СИНОД.
МИТРОПОЛИТУ ВЕНИАМИНУ.**

телеграмма из Тифлиса.

В лице Вашего Высокопреосвященства братски приветствую Пленум Синода и молю Господа да поможет Он Синоду направить корабль Российской Церкви в тихую пристань Христовой любви.

Католикос Патриарх Грузии **Христофор.**

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО ВЛАДЫКО ВЕНИАМИН, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ!

Священный Синод Российской Православной Церкви, в знаменательный день XXX-летия Вашего Святительского служения призывает на Вас Божие благословение.

Обозревая Ваш путь служения Церкви Божией, Св. Синод усматривает в нем явную благодатную помощь Вашему Высокопреосвященству. Некогда смиренный сельский иерей, пройдя крестный путь личной, семейной скорби, шаг за шагом подымается до высших иерархических ступеней. И всюду было славно служение Ваше и везде Вы оставили память о себе, как благостном и молитвенном архипастыре.

Но особенно ярко разгорается звезда Вашего служения Св. Церкви ныне, в дни великого и спасительного обновления Св. Церкви.

На новых путях церковного строительства так необходим опыт многолетнего и благословенного Вашего предстоятельства в Церкви Божией, ибо многих деятелей с громкими именами выдвигала жизнь за эти последние годы, но силы их оказались слабее предлежащего им подвига.

В Вашем лице Церковь нашла мудрого и многоопытного предстоятеля.

Около Вашей личности объединились все подлинно живые силы Св. Церкви.

И ныне мир воочию видит, как благословенны плоды этого единения. Живыми и ароматными цветами красуется ныне жизнь Церкви.

Да продлит же милость Пресвятой Троицы Вашу жизнь на многие и долгие годы.

Да радуется Св. Церковь величию и красоте служения Вашего.

Да светится и славится через Вас имя Христа Спасителя, Ему же слава и держава со Отцем и Духом во веки веков. А м и н ь.

Циркулярно.

....Епархиальному Управлению.

Священный Синод Православных Церквей в СССР поздравляет Епархиальное Управление и всех местных обновленческих работников с великими днями праздника Рождества Христова. Этот праздник зажжет над человечеством огни новой религиозной правды. Для верующего сердца огни рождественской ночи донныне горят немеркнущим пламенем. Долг верующего члена Православной Церкви постоянно озаряться правдой этого Христова Света. Наша синодальная ориентация ставит своей задачей, в противоположность староцерковничеству, обновление духа церковного, озарение церковной жизни подлинными творчески-соборными принципами православия.

Да будет этот лозунг путеводной звездой Вифлеемской всей нашей работы!

В твердой уверенности, что синодальные работники на местах исполнены ревностного настроения — до конца выявить

во всей своей работе принципы обновления, Священный Синод молитвенно желает Вам полноты Божественного благословения и желает — да будет Новый год нашей жизни годом плодотворной и напряженной обновленческой работы.

Председатель Св. Синода Митрополит **Вениамин.**

Зав. Админ. Отделом Митрополит **Петр.**

Секретарь Член Св. Синода Профессор **С. Зарин.**

Циркулярно.

..... Епархиальному Управлению.

Во исполнение постановления Пленума Священного Синода от 22 ноября с. г. для обеспечения средств, необходимых для осуществления научного исправления церковно-славянского текста богослужебных книг и перевода его на русский язык, — назначен собор на 5—6 января, на праздник Крещения Господня.

Священный Синод предлагает ЕУ отнестись к этому делу с подобающим ему вниманием и принять все зависящие от него меры к наиболее успешному его проведению. Для образца предваряющей сбор беседы при сем прилагается воззвание к верующим.

ВОЗЗВАНИЕ К ЧАДАМ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО СЛУЧАЮ ДОБРОВОЛЬНОГО СБОРА 5—6 ЯНВАРЯ 1928 ГОДА.

Последнее Общее Собрание Священного Синода, выдвигнув на очередь вопрос о внутреннем укреплении обновленчества, о проведении в жизнь начал церковного обновления на строгой основе Православия, — прежде всего остановило свое внимание на необходимости упорядочить вопрос о языке богослужения. По заповеди Апостольской язык богослужения должен быть понятен молящемуся верующему народу (I Кор. 14, 9—19); православный христианин должен «молиться духом», должен «молиться и умом», участвуя в богослужении сознательно. Однако, с другой стороны, язык богослужебный должен отличаться и от обыденного языка; его речения должны выражать возвышенные благоговейные чувствования, настроения и понятия и от того сами получают характер высокой торжественности. Церковно-богослужебный язык, отвечающий этим свойствам, оказывается в настоящее время непонятным для многих православных-верующих. Высокие истины веры и назидательные чувствования псалмов и молитв часто не доходят до сердца верующих. Отсюда — стремление многих верующих и целых общин слышать богослужение на родном русском языке. Отсюда и опыты переводов православного богослужения на родной язык, каковых существует уже несколько. Однако, ни об одном из них нельзя пока сказать, что он вполне соответствует своим высоким задачам.

Общее Собрание Членов Священного Синода своим постановлением подтвердило незыблемость общего строя и порядка богослужебного чина, особенно божественной литургии, но не преградило возможности и богослужебного творчества, всегда присущего истинной Христовой церкви, в соответствии с новыми запросами и потребностями верующих, в тех частях богослужения, которые и по церковному уставу могут быть расширяемы или сокращаемы. Касательно же богослужебного языка Свящ. Синод считался с необходимостью приблизить к пониманию верующих некоторые устаревшие речения и обороты языка церковно-славянского, не умаляя однакоже его красоты и выразительности. С другой стороны, нельзя оставить без внимания и удовлетворения и заявленной потребности некоторых групп верующих иметь достойный своего назначения перевод богослужения на русском языке.

Вся эта деятельность обязательно должна протекать под контролем Священного Синода и получить одобрение и благословение Поместного Собора. Предварительная же работа должна быть выполнена на строго научных началах, трудами ученых специалистов. Общее собрание Священного Синода и

избрало для сего достойных доверия лиц, поручив им вести работу в указанном направлении, необходимые же материальные средства постановило изыскать устройением добровольного сбора в царквах 5—6 января.

И в нынешний день Богоявления особенно благовременно явить своеусердие и любовь к Матери Нашей Церкви Православной посильным своими пожертвованиями на обеспечение плодотворности работы Священного Синода по изданию исправного текста богослужебных книг для просвещения ума и сердца, для назидания и укрепления веры православных русских людей; для созидания благодатного Тела Христова — Церкви и противодействия не прекращающейся сектантской пропаганде.

Услышьте же, православные чада Святой Церкви, голос Вашей Матери, зовущей Вас на помощь в великом и святом деле и явите свое усердие посильною лептою. **Д о б р о х о т н а д а т е л я л ю б и т Г о с п о д ь!**

БЮЛЛЕТЕНЬ № 14—НА 1 НОЯБРЯ 1927 г.

По всей линии нашего обновленческого фронта идет усиленная творческая организационная работа.

Информационный Отдел отмечает, что преведенные во многих районах объезды епископами своих епархий принесли несомненную пользу, укрепив обновленческие позиции (Епархии Вятская, Воронежская, Челябинская, Семипалатинская, Иркутская и др.).

Председатель Священного Синода своим выездом в г. Рыбинск для служения 28 сентября весьма укрепил положение там синодального дела. Тысячи народа, запуганного тихоновцами, принимали участие в торжестве крестного хода, и даже колокола тихоновского собора церковного должны были звонить, несмотря на противоление верховодов староцерковничества.

Ясная точка зрения обновленцев на последние выступления митрополита Сергия много способствует крепости наших позиций. Массовые доклады с правдивым освещением положения тихоновских вождей — в Москве (архиепископ Николай Платонов, протопресвитер П. Н. Красотин), в Ленинграде (архиепископ Платонов), в Рязани, в Рыбинске (он же и протоиерей А. Эндека), в Твери (протоиерей Эндека), в Новгороде (архиепископ Павел Раевский), в Стар. Руссе, Пскове, Челябинске, Томске и др. центрах церковной жизни, почти повсюду в СССР — пробивают широкие бреши в сознании верующих.

Усилить эту кампанию за сознательное отношение народа к церковным событиям — долг всех обновленцев.

В Москве усилиями Членов Синода (митрополита Александра, Митрополита Петра, протопресвитера Красотина) обновленческое духовенство призывается к активной проповеднической и вообще организационной работе. На собрании духовенства и мирян 23 сентября приняты положения, по которым должен образоваться проповеднический актив из пастырей и мирян, ставящий своей задачей как разработку проповеднических тем, так и распространение идей обновления среди широких народных масс. Намечено устройство двухнедельных проповеднических курсов для пастырей и мирян. Признано необходимым проведение церковно-христианской дисциплины во все стороны церковной жизни.

В Ленинграде происходят районные собрания духовенства, на которых вырабатывается общая тактика, достигается согласованность по всем вопросам церковного делания, закладывается фундамент братской материальной взаимопомощи духовенства и приходов.

В ряде епархий и областных центров, путем благочиннических собраний, готовятся к с'ездам. Работа этих низовых объединений привлекает внимание тем, что она является действительной основой нашего развития. Сюда, на низовую организацию, должна быть обращена организационная энергия руководителей нашего дела. Теперь пред лицом легализующейся «тихоновщины» больше, чем когда-либо. Результаты от этого получаются хорошие. Перед нами — протокол Благочиннического собрания 24 округа Кубано-Черноморской епархии.

Здесь—и забота о действительном осуществлении церковной дисциплины, и правильное понимание идеи соборности, как выражение единства нашей веры и средство мирного строительства Церкви, и инструктивные указания для пастырского и миссионерского служения в церкви. Вопрос миссии вообще выдвигается сейчас повсюду в сознании верующих, и упомянутый съезд правилсно определяет, что: «деятельность Епархиальных Миссионеров не должна сводиться к одним публичным выступлениям и иногда бесполезным раз'ездам, а главною их обязанностью должно быть знакомство пастырей через проведение пастырских собраний, при выездах в округа, с положением сектантства, методами борьбы с ними и пр.».

Ясно, что плодотворность борьбы с сектантством в значительной степени зависит от интенсивности положительной пастырской работы, и нам, желающим дать полное удовлетворение верующим, не следует бояться творчества во всех сторонах пастырского делания. Необходимое условие — лишь принятие сознанием верующих той или иной меры к достижению «церковной грамотности» народа. Тульское ЕУ сообщает, что, по докладу священника с. Знаменского—Девочкина, Чернского р., Приходское собрание признало своевременным и необходимым введение русского языка в практику Богослужений,—вот получение подобных постановлений есть правильный метод в области обновленческого творчества.

Излишняя боязнь наших работников вывить себя, свою идеологию, тормозит на местах наше дело, а некоторую часть сознательных мирян уже и отталкивает от нас.

При объезде своей епархии архиепископ Василий Челябинский правильно отметил, что многие наши деятели «просто спят», заботясь только о том, чтобы в приходе была тишь, да гладь, да Божья благодать. На этой почве,—продолжает Владыка,—«часто создается боязнь пастыря своих прихожан, боязнь прикоснуться этих наболевших, но страшно существенных для этих народных масс вопросов», о жизни церковной, о расколе церковном, об обновленчестве, его идеологии и пр. А результат—легкий отход в тихоновщину несознательной массы,—стоит появиться лишь беззащитному агитатору в приходе!..

Информационный Отдел с удовлетворением отмечает все увеличивающееся количество бюллетеней по епархиям:—правильная информация—могучее средство спайки.

Информационно-Организационный Отдел полагает, что весь материал, даваемый бюллетенями для ответственных работников епархий, необходимо перерабатывать применительно к местным условиям, но обязательно, в популярной форме, доводить до сведения широких масс обновленцев.

БЮЛЛЕТЕНЬ № 15—25 НОЯБРЯ 1927 ГОДА.

Закончился Пленум Священного Синода. Его постановления будут своевременно опубликованы; настоящим же Организационный Отдел Священного Синода считает нужным указать, что напряженная деловая работа Пленума прошла под знаком исключительно религиозной значимости.

Пленум установил дальнейшую линию церковной работы по принципу соборного творчества и в то же время своими решениями устранил те ненормальности и изломы в практической жизни Церкви, которые вредят нашей работе.

Великие принципы Собора 1923 года должны неуклонно осуществляться; решения и этого Собора и Собора 1925 года должны всемерно исполняться; весь материал, способствующий дальнейшему росту церковной жизни в области богослужебной, этической, и внешне—бытовой должен теперь же собираться, изучаться и оформляться для представления ближайшему церковному Собору, время которого определено—1 октября 1928 года.

Деловая энергия членов Пленума еще раз засвидетельствовала интенсивность той работы, которую ведут члены этого Высшего Органа Церковного Управления Православной Церкви в СССР и которая несомненно увенчается полным успехом.

На деловых заседаниях Пленума присутствовал представитель Вселенского Патриарха, который, как и прежде, приветствовал собравшихся, и в день юбилея Первоиерарха

Митрополита Вениамина огласил письменное приветствие по-следнему от Константинопольского Патриарха.

Самый этот 30-летний юбилей показал, какой сильной и единодушной организацией является наша «синодальная» Церковь: десятки адресов и до 200 телеграмм-приветствий, тысячи народа на богослужении и другие знаки любви к первоиерарху—все это говорит о том, что дело святого обновления Церкви находит горячий отклик со стороны весьма многих.

Отчеты с мест на Пленуме подтвердили это. Дело наше всюду растет. Несмотря на попытки получения по местам регистраций управления «сергиевщины», как пустое идеологически и самочинное в каноническом отношении объединение, повсюду теряя своих сторонников: увеличивается и синодальная организация (до 300 церквей), растет и объединение около ВВЦС. Сибирь почти уже забывает о «сергиевщине»; Белоруссия имеет среди староцерковников только 30% сергиевцев; ряд епархий (Воронежская, Рязанская, Донская, Свердловская, Ирбитская, Челябинская, Бакинская и многие другие) ведет междуособную борьбу между «сергиевцами» и «григорьевцами», и это расслоение тихоновщины заставляет верующих спокойно и сознательно и сочувственно относиться к крепнущей в своем историческом, жертвенном подвиге Синодальной Православной Церкви.

«Сергиевские» владыки, несмотря на 6 месяцев существования их Синода, проявили себя только прислуживанием к власти—больше ничем, да «запрещением» в священнослужении своих же собратьев-епископов и священников, если последние не хотят признавать их «Синода».

Тихоновский прот. В. Терновский справедливо пишет Омскому Еп. Виктору («сергиевцу» 21 октября с. г.): «Вы все нам внушали, что истинная Православная «староканоническая» Церковь—благодатна. Это—ложь, эту ложь вы заставляли внушать нас, темному народу. Где благополучие, когда в тихоновщине идет всероссийский скандал между ВВЦС и Временным Патриаршим Синодом? Почему Григорий и Сергей друг друга запрещают? Где благополучие, когда до сих пор нет документов, удостоверяющих Ваши связи с Восточными Патриархами, что есть документально у обновленцев?»

Где благополучие у Вас, когда выставлена новая политическая платформа? Не тихоновцы ли отвергли политическую платформу обновленцев Собора 1923 года? Стало быть, было благополучие у обновленцев, а у вас четыре года политическое затмение? Откройте это народу...». Горячие слова прот. Терновского, теперь «синодального» священника, глубоко правдивы: двойственность и ложь пронизывают тихоновщину.

По данным Уфимской Церковной жизни, «Сергиевский» равнитель канонов епископ Иоанн (Полярков), разведшись до хиротонии с женой, постригшись в монашество (что сделала и его жена), живет снова совместно с нею (на соблазн уфимцам), мотивируя это необходимостью воспитывать детей в школах и боязнию за матушку, которая заявила, что «не вынесет разлуки с семьей и покончит с собой» (донесение Уфимского Е. У.). В Уфимской епархии укрепляются и «андреевцы», у которых один из епископов, ставленник, как и Полярков, арх. Андрея Ухтомского—Питирим—распорядился поминаль: «Восточных Православных Патриархов, местоблюстителя патриаршего престола Митрополита Агафангела и далее по чину». Есть и такие тихоновцы, которые поминают одного только Митрополита Петра Крутицкого (Красноярск).

Та же двойственность и у «григорьевцев».

В своих резолюциях бывшего в Москве 15 ноября их общецерковного Съезда «Григорьевцы» обвиняют обновленцев в введении брачного епископата, но в то же время посылают пригласительный билет на Съезд м. Александру, так и надписывая его за подписью секретаря и печатью «Митрополиту Александру (Введенскому)» № 62, а рукоположенного тем же Митрополитом Александром во священника настоятеля Латышской Общины в Белоруссии священника А. Бреча принимают и оставляют в той же общине—в сущем с а н е, несмотря на снятие с него сана за поведение, не соответствующее достоинству священника.

В своих резолюциях Съезд ВВЦС определенно говорит, что Митрополит Сергей нарушил соборность, употребил свою власть не на созидание, а на разорение церкви Божией, нарушил

мир в Церкви и призывает его, как и обновленцев, к воссоединению с В. В. Ц. Советом.

Митрополит Агафангел, с одной стороны,—в письме на имя Митрополита Петра Крутицкого от 12 июня 1926 года отказался от прав Местоблюстителя и указал на своих преемников М. Кирилла и М. Арсения, однако, против Митрополита Сергия не выступал; с другой стороны,—теперь, как видно из послания тихоновского «Григорьевского» Епископа г. Ульяновска, «Высокопреосвященный Агафангел, м. Ярославский на послании написал, между прочим, следующее: «Настоящее послание Преосвященного Виссариона я прочитал с большим интересом», а лицу, представившему ему это послание, сказал, что он не признает Митрополита Сергия, ни его Синода, и считает его неканоничным, что М. Сергий отнял у него права Патриаршего Местоблюстителя насильем и обманом».

Понятно, что все это углубляет церковную разруху.

Большинство иркутских тихоновцев не пускает в свои храмы «Сергиевца» еп. Евсевия; находящийся в Омске еп. Афанасий прервал общение с еп. Виктором (Сергиевцем), оставаясь сам правым тихоновцем, после опубликования Виктором послания с призывом к признанию власти. Дело доходит до кулачных боев (Воронеж) при «налете» сергиевцев на григорианскую Покровскую Церковь и т. д.

Все глубже определяется раскол и в зарубежной Православной Церкви—Собор в «Карловцах»—в Сербии—2 сентября с. г. окончательно запретил м. Евлогия и М. Платона, объявив их «безблагодатными» (таким образом, безблагодатным окажется и м. Сергий, который поддерживает с ними каноническое и молитвенное единство). Воззвания Сергия и его «Синода» они не признали для себя обязательными. Впрочем их же собрат еп. Вениамин (Федченков) с ними не согласился и, объявив себя в подчинении м. Сергию, демонстративно покинул Собор (корреспонденция в «Новом Времени»).

На фоне этого распада особенно рельефно вырисовывается созидательная работа синодальной Церкви.

Углубление работы—вот основной тон текущего церковного момента.

Героическая просветительная работа (обезды епархий, выезды благовестников, лекции, диспуты), подготовка пастырей, горящих духом ревности о Христовой вере беззаветных в будущем строителей Церкви Божией (данные Академического акта М. Б. А., вступившей в 5 год своего существования), вовлечение широких церковных масс в творческую церковную работу (Ленинград, Кубань, Воронеж), одухотворение и осмысление красот Православного богослужения (специальная Комиссия при Священном Синоде), организационно-информационная работа в центре и на местах, подъем активной заботы о храмах (ремонт их общими усилиями и, в буквальном смысле, трудом верующих) и верность началам Собора 1923 года и 25 года,—все это громко говорит о том, что на развалинах старой церковной организации вырастает новая, могучая, творческая молодая сила, верная заветам Святого Православия и способная сблечь заветы Евангелия в условиях текущей жизни.

Информационно-организационный Отдел предлагает с особым вниманием проработать на местах все резолюции Пленума Священного Синода, которые будут получены Епархиальными Управлениями, и сообщить Отделу, как обновленческие организации воспримут их.

№ 5657.

29 ноября 1927 года.

1 декабря 1927 г.

Исх. № 5702.

Указ Священного Синода Пермскому Епархиальному Управлению.

Копия: Уральскому ОМЦУ.

Священный Синод Православных Церквей в СССР в заседании своем 25 сего ноября слушали: рапорт Пермского ЕУ от 18/XI с. г. за № 543, с представлением протокола Пленума ЕУ от 9/XI с. г. утреннего заседания. Пленумом ЕУ вынесено постановление о поднесении Председателю Священного Си-

нода Митрополиту **Вениамину**, как старейшему вождю обновления, в память 30-летнего юбилея, адреса. Пленум ЕУ просит Священный Синод обратиться ко всем Епархиям, чтобы они вносили каждый месяц, хотя бы по 1 рублю, что делает Пермская Епархия, на образование стипендии имени Митрополита **Вениамина** для студентов Московской Богословской Академии. Кроме сего, Пленум просит о награждении Пермской епархии ко дню 10-летия наименования «Окружной Митрополии», запрещенной в священнослужении священника Булдырева Пленум постановил восстановить в священнослужении и священника Теплоухова, принять в ведение Св. Синода из староцерковничества с Бубнинским приходом. П о с т а н о в и л и: Ходатайство Пленума Пермского ЕУ об учреждении стипендии имени Митрополита **Вениамина** отметить в журнале «Вестник Священного Синода». Преподать (и сим преподает) благословение Священного Синода в с е й Е п а р х и и. Постановление Пленума ЕУ о восстановлении в священнослужении запрещенного священника Булдырева, у т в е р д и т ь. Священника Теплоухова, вместе с Бубнинским приходом, благословить принять в ведение Священного Синода. Прочее принять к сведению.

О сем Священный Синод дает знать Пермскому ЕУ к надлежащему исполнению.

Протокол № 1 заседания Пленума Св. Синода.

от 22 ноября 1927 года.

После молитвы собрание открывается в 10 часов утра речью Председателя Священного Синода Митрополита **Вениамина**.

Владыка выражает глубокую благодарность Св. Синоду, пастырям и верующим, которые почтили его по случаю исполнившегося тридцатилетия его служения в святительском сане. Обозревая период, протекший после январского Пленума, Владыка останавливается на праздновании в мае месяце с. г. **пятилетнего юбилея обновленческого движения**, которое совершилось торжественно, в полном единдушии и в сознании глубокой важности момента. Отмечает далее утрату в лице скончавшегося 18 апреля 1927 года Митрополита Крымского **Алексия**, память коего была почтена заупокойным богослужением в Храме Христа Спасителя и провозглашением «Вечной памяти» пред заседанием Св. Синода.

Переходя к вопросу о сношениях Св. Синода с Православным Востоком, Владыка отмечает приветственные грамоты Патриархов Вселенского **Василия III** и Иерусалимского **Дамiana**, полученные им, как Председателем Св. Синода, к празднику Св. Пасхи и дышащие искреннею любовью и благожелательностью и к нему лично и к членам Священного Синода и ко всей пастве.

Представитель Вселенского Патриарха Архимандрит **Василий** уведомил Священный Синод о получении им новой верительной грамоты Вселенского Константинопольского Патриархата.

Пленум с полным единодушием многолетствует Его Всесвятейшество Вселенского Патриарха и постановляет послать ему телеграмму следующего содержания:

«Пленум Священного Синода всепреданнейше многолетствует Ваше Всесвятейшество, просит молитв и благословения свою работу блага Церкви Православной».

Заслушивается приветствие от Всеукраинского Священного Синода и возглашается многолетие Всеукраинскому Священному Синоду и его председателю—Митрополиту Пимену. Возглашается многолетие Патриарху-Католикосу Грузии Христофору, коему и посылается приветственная телеграмма.

Председателем Белорусского Священного Синода зачитывается приветствие означенного Синода на белорусском языке.

Митрополит Вениамин заявляет, что Белорусский Священный Синод находится в особо любовном братском отношении к Священному Синоду всех православных Церквей, находящихся на территории СССР, на что митрополит Иосиф торжественно заверяет, что такие отношения будут укрепляться все более и более. В ответ на это—многолетствование Белорусского Священного Синода и Митрополита Иосифа.

Заслушивается письменное сообщение о болезни члена Пленума Митрополита Тульского Виталия и дается разрешение, согласно ходатайству последнего, викарию его епископу Алексинскому Петру принять участие в работах Пленума с сощещательным голосом.

Такое же разрешение дается архиепископу Владивостокскому Михаилу, уполномоченному от Дальне-Восточного Митрополитанского Управления представлять его интересы на Пленуме Священного Синода.

В помощь Секретарю Св. Синода профессору С. М. Зарину избирается, согласно предложению последнего, протоиерей М. А. Князевский.

Пленум заслушивает доклад Митрополита Александра (Введенского) на тему: «Современный текущий церковный момент, новая общественно-церковная позиция староцерковников, ее анализ, значение для обновленчества и новые задачи нашей работы в связи с создавшимися условиями».

В виду особой важности доклада, он записан стенографически и в оттисках будет разослан по епархиям.

По заслушании доклада был пропет Символ веры и открыты прения по докладу.

Первым выступает Митрополит Белорусский Иосиф, который делает дополнение к докладу, именно: о состоянии церковной жизни среди русских эмигрантов за границей. Он читает выдержки из «Нового Времени» от 2/IX, где даются сведения о Соборе в Карловцах осенью текущего года. На Соборе, под председательством Митрополита Антония (Храповицкого), присутствовали 11 епископов. На повестке собора стояло 35 вопросов. Первым разрешался вопрос об отношении к декларации митрополита Сергия. 10 епископов отвергли эту декларацию и власть митрополита Сергия. Один (Вениамин) Федченко признал. Разбиралось дело Митрополита Евлогия и Платона. Оба признаны безблагодатными. Постановлено также к следующему собору составить доклад о новом направлении церковной мысли священника Булгакова, Бердяева и Карташова, которые начинают высказывать взгляды, средние обновленцам.

Далее решались вопросы: об отношении к обновленцам, об импер. К., женатом епископате и т. д.

В Польше, по имеющимся у Митрополита Иосифа письмам, духовенство пр. Церковей имеет тяготение к обновленцам и Св. Синоду, но его забивают униаты.

Как на факт, имеющий важное значение, Митрополит Иосиф указал на братскую грамоту Константинопольского Патриарха, присланную ему, хотя Патриарх знает, что Владыка Митрополит женатый епископ. Как акт, коему принадлежит важное значение, учитывается эта грамота и в Константинополе и Александрии в духовных журналах.

Митрополит Иосиф предлагает принять какие-либо меры, могущие парализовать недопустимые факты перекрещивания и перерукоположения, допускаемые Сергиевцами, так как это создает целые трагедии: один о. диакон (Ходкин), перерукоположенный, утопился в Днепре, мучимый сомнениями и мучениями совести.

В заключение Владыка предлагает твердо стоять на началах, провозглашенных соборами 1923, 1925 г.г. и неуклонно проводить их постановления в жизнь, а не обезличивать себя, как это сделала Украина.

Формулу поминовения в Белорусской Церкви можно будет ввести лишь с согласия Белорусского Собора.

Митрополит Ленинградский (Серафим) говорит, что введение русского языка в богослужебный обиход—требования мест. Св. Синод должен принять меры к изданию богослужебных книг на русском языке. Об одежде и стрижении волос постановлений особых делать не следует, а предоставить это дело совести каждого священнослужителя.

Митрополит Вениамин просит еще раз обсудить вопрос о поминовении его.

Митрополит Александр (Введенский) отмечает, что Собор 1925 года объединил под водительством Св. Си-

нода Православной Церкви богохранимой страны нашей те церкви (автокеф. и автономн.), представители которых участвовали на этом Соборе и для которых Св. Синод является центральным административным аппаратом, а вопрос о поминовении Св. Синода и Митрополита Вениамина касается именно административной линии Синода.

Профессор С. М. Зарин выясняет, какие моменты и после издания митрополитом Сергием известной декларации разделяют идеологически—притом весьма существенно—обновленчество от т. н. «староцерковничества» и находит, что признание им правды социальной революции будет иметь действительное значение только в том случае, если в мировоззрении староцерковников произойдет общий сдвиг, если они во всей глубине и широте и со всею искренностью осознают идею Царства Божия, как основную в христианстве. Отмечает их идеологический уклон к мистическому индивидуализму. Отсюда—их непреодолимый уклон и к единоличному патриаршему управлению Церкви и т. д.

Протопресвитер Н. Г. Попов находит, что введение русского языка в богослужение—требование момента. У священника Ф. Н. Жукова, поборника этого дела, имеется ценный альбом писем с требованием выслать богослужебные чины на русском языке.

Необходимо в Москве установить показательные богослужения на русском языке и предоставить это дело о. Ф. Н. Жукову. Вопреки догматизированию внешности тихоновцами, необходимо разрешить ношение светской одежды священнослужителям истрижение волос; со стороны канонов препятствий к этому нет.

Митрополит Алексей Казанский говорит о том, что талантливые работники на местах и теперь проявляют творчество. Вопрос о поминовении Священного Синода на Украине следует решать при делегатах оттуда, иначе это вызовет большие недоразумения. Необходимо заменить в ектениях титул «епископа» «господин» и, по примеру греческой Церкви, где патриарх поминается лишь тогда, когда совершается богослужение, помянуть первоиерарха.

Протопресвитер А. И. Боярский отмечает, что верующие сами иногда требуют богослужения на русском языке и об этом нужно серьезно подумать. Внешний вид не важен, необходимо создать кадр пастырей идейных обновленцев. Не надо разжигать страсти на Украине, а это может быть в случае принуждения помянуть Священный Синод.

Протопресвитер П. Н. Красотин говорит, что нельзя давать место произволу в деле перевода на русский язык богослужебных чин—могут случиться нежелательные разделения, и верующие будут молиться по Адаменко, по Жукову и т. д. Следует создать комиссию, которая занялась бы делом перевода. Относительно одежды и внешнего вида пастырей, м. б. настал момент, когда обновленцы и по внешнему виду должны отличаться. Поминовение Синода безусловно необходимо, но по отношению Украины должно вводить его в виде предложения, а не приказа.

Архиепископ Павел Раевский предлагает заменить или исключить из спорного поминовения эпитеты Святейший, Высокопреосвященнейший и т. д.

Протоиерей М. А. Князевский прибавляет к сказанному, что необходимость поминовения власти осознана верующими, а стрижение волос и ношение светской одежды не возбуждает недоразумений, а, наоборот, иногда даже приветствуется верующими.

Митрополит Петр Сергеев предлагает организовать комиссию:

- 1) Конфликтную, под председательством Митрополита Белорусского Иосифа.
- 2) Наградную, под председательством Митрополита Сталинградского Константина.
- 3) О браке священнослужителей и мирян, под председательством Митрополита Казанского Алексея.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Не имея возможности поблагодарить в отдельности каждое из многочисленных учреждений и лиц, почтивших меня в день празднования тридцатилетия служения моего в архиерейском сане, прошу дать место на страницах уважаемого «Вестника Священного Синода» для выражения моей глубокой благодарности и сердечной признательности братьям моим Преосвященным Архипастырям, дорогим пастырям и боголюбивым мирянам, которые во множестве, с такой трогательной сердечностью, приветствовали меня в знаменательный, незабываемый для меня день моего юбилея. Молитвенно от всей души желаю им всем великих милостей и духовных утешений от Господа Бога и полного благополучия в устроении земной их судьбы.

На пастырей и мирян от всей души призываю Божие благословение.

ВЕНИАМИН МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ.

ПРАЗДНОВАНИЕ XXX-ЛЕТИЯ СЛУЖЕНИЯ В СВАТИТЕЛЬСКОМ САНЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА.

Светло, радостно и торжественно, с необычайным подъемом и воодушевлением, было проведено весьма знаменательное празднование исполнившегося 1-го ноября текущего года тридцатилетия служения в святительском сане Высокопреосвященного Митрополита Московского и Коломенского Вениамина, Председателя Священного Синода Православных Церквей в СССР.

Проведению этого торжества «благообразно и по чину» — бесспорно — много содействовала выполненная весьма планомерно и обдуманно работа особой, образованной Священным Синодом, юбилейной комиссии, во главе с Митрополитом Благовестником Александром (Введенским). Однако, задачей Комиссии было именно ввести в правильное русло и придать планомерность тому широкому общественно-церковному движению, которое начало выявлять себя, как только был поставлен вопрос о праздновании юбилея.

Празднование было приурочено к очередному собранию Пленума Священного Синода, и, в свою очередь, содействовало его особому воодушевлению, усилению к нему внимания со стороны широких церковных масс и торжественному характеру его празднования.

Широта обновленческого движения, вобравшего в себя все лучшие силы Церкви, нашла свое конкретное выражение в том составе священнослужителей, который совершил Божественную Литургию в день празднования юбилея, 20-го ноября, начавшуюся в 10 часов утра, во главе с самим Высокопреосвященным юбиляром. Владыке-юбиляру сослужили Члены Президиума Священного Синода Митрополит Александр — Благовестник, Митрополит Кавказский Петр (Сергеев) — как представители Президиума Священного Синода; Митрополит Алексей Казанский, — как представитель монашеского епископата; Митрополит Петр Сибирский, Митрополит Иосиф Белорусский, как представители белого епископата; Протопресвитер П. Н. Красотин, протопресвитер, доктор церковного права, профессор Н. Г. Попов, благочинный Вл. Воздвиженский, настоятель Трехсвятительского Собора Архимандрит Евстафий, профессор Московской Богословской Академии протоиерей П. В. Богословский и др. На правом клиросе пел постоянный хор певчих Храма, на левом — объединенный хор студентов Московской Богословской Академии, сестры храма и др. Обширный и величественный, редкий, по своей художественности, храм, переполнен молящимися. Чувствуется благоговейное, вдумчивое, проникновенное настроение собравшихся в храме. Но вот литургия закончилась. Мститый юбиляр, разоблачившись, в мантии, становит-

ся на правой стороне амвона, против иконы Христа Спасителя. Многочисленный сонм священнослужителей, во главе с Митрополитом Александром (Введенским), проходят на середину храма для совершения благодарственного молебствия. Но вот Митрополит Александр, прежде чем начать молебен, снова возвращается для приветствования юбиляра на амвоне. Знаменателен и трогателен был этот момент, когда представитель и «вождь», — как его нередко называют, — обновленчества, собственно его прогрессивного течения, наиболее яркий представитель, так наз., «белого» епископата, с сыновней любовью, во всем блеске своего яркого ораторского таланта, с особым подъемом, воодушевленно, проникновенно — приветствовал самого — несомненно — искреннего, самого благородного, самого маститого представителя епископата монашеского, не только примкнувшего к обновленческому движению в Церкви Православной, но и возглавляющего его. Высокопреосвященный оратор осветил вопрос в широкой перспективе, с обычной глубиной и свойственным ему необычайным мастерством. В речи раскрывалась тема: «Смысл обновления Православной Церкви и значение Митрополита Вениамина». Перед слушателями развернулась картина жизни церковной в ее главных моментах за последний период, не оставившая сомнения в уклонении прежних вождей Церкви от светлого, обновляющего лица земли идеала Христова, возвестившего народу не только о небе, но и о земле, к задачам и целям помраченным, омирщенным, узко-эгоистическим.

Перед лицом совершающихся мировых событий особенно велика ответственность тех, кои, именуя себя глашатаями Христовой правды, в действительности изменили ей и снова надели на Христа терновый венец, подставляя его под заушения и глумления тех, кто проповедь о Христе его недостойных представителей принимает за учение самого Христа. За поруганную честь Христа восстали так наз. «обновленцы», в сущности пожелавшие вернуться к подлинному Христову учению и осуществить его в жизни. М. Вениамин совершил великий подвиг, — он порвал с теми узами прошлого, которые приковывали Церковь к рукам центуриона и заставляли ее служить чуждым ей целям. Он на склоне лет своих определил себя на служение Церкви в духе истинного православия, на служение подлинно Христу. Господь судил Владыке-юбиляру понести ответственное, трудное, но и обильное нравственными подлинно-религиозным утешением подвижническое служение в Церкви в самой ответственной, но и почетной роли. За такую великую милость и собрались воздать благодарение Господу Богу в этот знаменательный не только для самого юбиляра, но и для Церкви Православной, день. В заключение М. Александр вручил юбиляру грамоту-благословение Священного Синода, печатаемую в настоящем номере «Вестника».

По окончании молебна, в совершении коего приняли участие все присутствующие Архипастыри и пастыри, приветствовали Владыку-юбиляра: Митрополит Ленинградский Seraфим от Ленинградской епархии, особенно дорогой сердцу юбиляра, прот. П. В. Богословский — от Московского Епархиального Управления (оба адреса печатаются полностью) и протопресвитер П. Н. Красотин — от Московской Богословской Академии, коей Почетным Членом состоит Владыка Вениамин. Только около 3-х часов пополудни закончилось торжество в храме, но лишь затем, чтобы продолжаться в помещении Священного Синода.

Здесь при самом входе в зал юбиляра приветствовал Архиепископ Калужский Георгий, поднесший Калужскую Икону Божией Матери, от Калужской епархии, где юбиляр проходил свое святильское служение в течение лет.

За праздничной трапезой, устроенной заботами и трудами сестер общин Гребневской и Храма Христа Спасителя, не прерывался поток устных и письменных приветствий, поднесенных юбиляру в виде многочисленных адресов и выраженных телеграфно. Первым приветствовал юбиляра Представитель Вселенского Патриарха Василия III Архимандрит Василий Димопуло, огласивший перевод особой грамоты, коею Вселенский Патриарх почтил юбиляра к этому знаменатель-

ному для него дню. Точный перевод этой грамоты помещен в настоящем номере, в официальном отделе. Далее следовали приветствия от Белорусского Священного Синода, от Митрополитанских и Епархиальных Управлений и др. Почти на каждое приветствие юбиляр, сохранявший все время удивительную бодрость, считал своим долгом ответить не только кратким словом выражения благодарности, но и сердечными воспоминаниями о прошлом или благопожеланиями в настоящем. Лично выраженные приветствия закончились приветствием студентов Московской Богословской Академии.

В заключение секретарь Св. Синода проф. С. М. Зарин доложил о полученных к юбилею поздравительных телеграммах. С разных концов необъятного нашего Союза получено свыше 200 телеграмм и до 40 адресов—от церковных организаций и отдельных лиц. Телеграмма из Харькова от Украинского Священного Синода гласила: «Украинский Священный Синод сердечно поздравляет маститого первоиерарха Российской Православной Церкви Высокопреосвященнейшего Митрополита Вениамина с тридцатилетним юбилеем святительского служения. Преклоняемся перед величием совершенного им подвига дела блага и устройства нашей Православной Церковной жизни. Молит Бога об укреплении его сил и здоровья еще на многие годы для дальнейших многополезных трудов для славы и блага церкви. Синод». Из Могилева от Белорусского Синода: «Белорусский Священный Синод, пастырское собрание клириков Могилева приветствует Вашу святыню тридцатилетием епископского служения Русской Православной Церкви. Молим Господа продлить Вашу многополезную деятельность на утверждение православия в условиях обновленного строя Русской Церкви. Митрополит Иосиф». Из Нью-Йорка: Американская миссия сердечно приветствует маститого юбиляра Вениамина, первоиерарха славных борцов Православия. Приветствуем Пленум Синода. Многая лета всем. Митрополит Иоанн.

Празднование закончилось только около 6 часов вечера. Оно не оставило, однако, никакого утомления в тех, кто имел счастье принимать в нем участие. Оно, напротив, внушило бодрое, жизнерадостное настроение, доставило возвышенные переживания, чувство глубокого нравственного удовлетворения.

Наблюдавшие торжество юбилея в Храме Христа Спасителя церковники других направлений,—как многие из них сами признавались—получили неотразимое впечатление прочной спаянности обновленцев, глубокой религиозно-моральной силы и значимости обновленчества. Пожелаем же маститому юбиляру еще многих лет бодрой, здоровой жизни и плодотворной деятельности на благо святого Православия! Пусть пример его побудит тех деятелей староцерковничества, в коих сохранилась еще душа живая, оставить свой путь неправоты и непрямоты, колебаний и двоедушия и, не двоясь в своих мыслях, решительно и бесповоротно стать в ряды тех, кто при настоящих трудных и сложных условиях жизни, стремится явить миру вечную, неумирающую жизненность правды Христовой, и отрешиться от тех вековых наслоений, кои заттеняют просветленный лик нашего Спасителя!

«В свете Лица Его», в духовной радости, от Него подаваемой, пусть пройден будет и весь остальной земной путь нашего любимого юбиляра!

ГОДИЧНЫЙ АКТ МОСКОВСКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ АКАДЕМИИ.

5-й годичный акт Московской Богословской Академии.

21-го ноября, в день праздника Введения во храм Пресвятой Девы Марии, Московская Богословская Академия совершила свой пятый годичный акт. День акта совпал с двумя крупными событиями в церковной жизни: накануне, 20 ноября, праздновался юбилей тридцатилетнего служения в сане Архипастыря, Маститого Председателя Свящ. Синода Православной Российской Церкви Высокопреосвященного Вениамина, Митрополита Московского и Коломенского, а на другой день, 22 ноября, д. б. открыться заседания Пленума Священного Синода, и потому день акта прошел в особо

торжественной обстановке по сравнению с предыдущими четырьмя Академическими Актами. Накануне, в 6½ часов вечера, в Академическом храме соборным служением была совершена всенощная. В служении всенощной принимали участие: Высокопреосвященный Митрополит-Благовестник Александр (Введенский); Ректор Академии, Архиепископ Калужский Георгий (Добронравов), бывший Ректор Академии; Член Св. Синода Архиепископ Гдовский Николай (Платонов), Архиепископ Михаил (Попов) и епископ Феодор Орловский, Протопресвитер проф. П. Н. Красотин и ряд священников и диаконов студентов. В самый день акта в 10 часов утра, соборным же служением была совершена божественная Литургия. Кроме Предстоятельствующего Высокопреосвященного Ректора Академии Митрополита Александра (Введенского) в служении Литургии участвовали: Петр, Митрополит Ростовский и Кавказский, Георгий, Архиепископ Калужский, Николай, Архиепископ Гдовский и Архиепископ Михаил (Попов), Протопресвитер Профессор П. Н. Красотин и священнослужители студенты. Во время всенощной, после шестопсалмия, студентом III курса Академии В. Лисаневичем была произнесена проповедь на тему «Значение пастырства в Церкви», а за Литургией, во время причастия, проповедь была произнесена студентом III же курса свящ. А. Самоновым на тему: «Церковь и общественность». После Литургии был совершен краткий молебен. В служении молебна приняли участие Высокопреосвященный Митрополит Вениамин, Председатель Свящ. Синода. Серафим, Митрополит Ленинградский, Протопр. Проф. Н. Г. Попов и ряд почетных гостей-членов Пленума Священного Синода и других священнослужителей. В конце молебна были провозглашены многолетия Восточным Патриархам, Священному Синоду, Ректору, Профессору и учащимся академии. Молебен закончился в начале третьего часа по полудни. Во время службы пел студенческий хор под управлением Протоиерея А. Златоустова. В этот день состоялось посвящение в иподиакона студента III курса В. Поливанова и во диакона—студ. I курса Л. Ляшенко. Из храма почетные гости, профессора и студенты прошли в так называемый голубой зал Священного Синода, где им предложили чай. Здесь был произнесен ряд приветственных речей. Высокопреосвященнейший Председатель Священного Синода Митрополит Вениамин изъяснил здесь свое согласие быть патроном Академии, согласно избранию Совета Академии. Владыка Ректор Академии отметил, что с текущего учебного года в Академии вводится комплексная система чтения лекций. Протопресвитер П. Н. Красотин в речи, обращенной к Ректору Академии, благодарил последнего за то, что он своим живым, чуждым схоластики, подходом к науке сумел привлечь к академической работе живые профессорские силы. Здесь же, за чаепитием, были отмечены и те общие успехи, каких успела достичь Академия за 4 года своего существования. Констатировано было, как факт, что Академия к данному моменту значительно уже окрепла, что ею интересуются уже широкие массы верующих и что она вступила на правильный путь в своей научно-богословской работе. Один из гостей с особую радость сообщил, как окончивший Академию в 1926 г., М. П. Лыгин, ныне священник, умело проводит в жизнь своей паствы идеи церковного обновления, пользуясь глубоким уважением со стороны паствы. Протопресвитер А. И. Боярский выразил надежду, что в лице воспитанников Академии вожди церковного обновления найдут для себя достойную смену. Он весьма порадован тому обстоятельству, что в рядах студенчества он видит много молодых людей (юношей), принявших священный сан. Проректор Академии профессор С. М. Зарин в одушевленной речи, наконец, как бы подвел итог всему сказанному в честь Высокопреосвященного юбиляра и Академии накануне и в день акта. Он поставил в идейную связь оба эти празднования и раскрыл глубокую значимость этой связи. Профессор, близко знающий Владыку, почти все тридцать лет его архиерейского служения, находившийся с ним в непрерывном общении, за внешне скромным обликом высокочтимого юбиляра вскрыл глубокое внутреннее содержание. Под влиянием приснопамятного Митрополита Антония (Вадковского), у коего Владыка Вениамин был любимым викарием, и Оптинского старчества в период управления М. Вениамином Калужской епархией, сложился внутренний, на редкость симпатичный, обаятельный облик Владыки-юбиляра,

воспринявшего в себя черты истинно-православного пастырства, не чуждающегося земных радостей и семейной жизни, но благославляющего их благословением и благожелательством кроткого Христа Спасителя. Бессмертный Ф. М. Достоевский черты истинно-православного пастырства воплотил в типе старца Зосима именно под впечатлением оптинского старца Амвросия. Старец Зосима всею душою жаждет правды земли, просветления семейной жизни, самоотверженного служения лучших православных монахов людям в самой гуще их обиденной, страдальческой жизни для внедрения в нее начал Христовой правды. Все лучшее, подлинно Христово, не отринуту, но именно воспринято православным обновленческим течением, и, конечно, это не случайность, а факт глубоко знаменательный, что во главе его в настоящий ответственный переходный момент стоит маститый старец, на кого падают лучи всего лучшего и прекрасного из исторического традиционного православия. Владыка Вениамин—живой мост, соединяющий лучшее церковное прошлое с настоящим подвижническим служением Христу обновленчества, для безостановочного прогрессивного движения вперед, в духе и силе Христовой.

В виду множества речей, чаепитие затянулось почти до 5 часов вечера. В 6 часов вечера в большом зале Академии, наполненном гостями (вход был открыт только для имеющих пригласительные билеты), после исполнения студенческим хором архиерейского входного: «Достойно есть», начался самый Акт. Высокопреосвященный Ректор Академии Митрополит Александр (Введенский) выступил с блестящей речью на тему: «Биологическое значение религии». В ней путем ссылок на новейшие научные труды в области биологии, он указал, что религия для жизни человечества имеет непреходящее значение и что христианство, как религия, является тем базисом, на котором верно создается полнота человеческой жизни. Вслед за речью Владыки Ректора Проректору Академии—Профессор С. М. Зарин сделал доклад о состоянии Академии в текущем учебном году и о тех достижениях, какие она успела проявить за время своего существования. Профессор-Протопресвитер Н. Г. Попов, выступивший после доклада С. М. Зарина, указав на то, что Московская Богословская Академия является прямой продолжательницей того дела распространения научно-богословского знания, которому служила старая Московская Духовная Академия, оттенил некоторые темные стороны жизни старой Академии и сделал выводы, что именно из традиций старой Академии должна брести новая Богословская Академия и от чего должна воздержаться, а также и что она должна дать своего, уважая науку и верно учитывая требования времени. В перерывах между речами и в конце акта хор исполнял разные певческие номера. Акт закончился уже около 11 часов вечера. Настроение у всех присутствующих на акте было радостное и бодрое. Чувствовалось, что Академия является действительно рассадником богословского знания, который даст церкви вполне правоспособных церковных работников для устройства ее жизни в условиях новой государственности. Для студентов Академии день акта был действительно праздником. Этот день показал всем присутствующим на торжестве, что в бытии Академии глубоко заинтересованы все лучшие деятели обновляющейся Церкви, в каком бы отдаленном уголке Союза Советских республик они ни находились, и что они, эти лучшие деятели Церкви, приложат все свои усилия к тому, чтобы укрепить жизнеспособность Академии. В этом сознании, что Академия не одинакова и не предоставлена, в укреплении своей мощи, только своим собственным внутренним силам, но что о ней печется и ее горестями и радостями живет вся Православная Церковь на территории СССР, во главе с Свящ. Синодом,—Московская Богословская Академия находит для себя источник бодрости и сил, чтобы с надеждой и верой в успех своего дела идти вперед.

Краткое извлечение из отчета Московской Богословской Академии.

Московская Богословская Академия, начавшая свою учебно-учебную просветительную деятельность с октября 1923 года, вступила, таким образом, в пятый год своего существования. Четыре года в переживаемую эпоху—срок уже немалый. Он позволяет делать некоторый небезосновательный прогноз

(предсказание) и во всяком случае дает основания заключать о степени жизнеспособности столь важного учреждения в плановой организационной работе Священного Синода по просветительной линии, каким, несомненно, является Московская Богословская Академия.

Не преувеличивая своих достижений, но и не умаляя достигнутых результатов, Совет Московской Богословской Академии, с чувствами морального удовлетворения, благоговейного благодарения Господу Богу и признательности всем тем, кто сочувствием и материальными пожертвованиями поддерживает Академию,—может констатировать бесспорный факт продолжающегося роста Академии, ее внутреннего укрепления, свидетельствующий о правильности принятого ею общего учебно-воспитательного курса.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ АКАДЕМИИ.

А) Почетные члены:

- 1) Его Всесвятейшество Вселенский Патриарх Василий III.
- 2) Митрополит Московский и Коломенский Вениамин, Председатель Священного Синода (избранный по случаю исполнившегося тридцатилетия служения его в святительском сане, по примеру прежних Киевских Академий, Патроном Академии).
- 3) Митрополит Белорусский Иосиф.
- 4) Митрополит Иоанн Ташкентский (б. Сталинградский).
- 5) Архиепископ Георгий Калужский (бывший Ректор Академии).
- 6) Архиепископ Гдовский Николай, профессор Ленинградского бывшего Богословского Института.
- 7) Доктор Церковной Истории Борис Васильевич Титлинов, проректор и профессор Ленинградского Богословского Института.

Б) Профессорский состав:

- 1) Ректор Академии — доктор богословия — Митрополит Александр Введенский (читает апологетику); 2) Проректор, доктор богословия, профессор Сергей Михайлович Зарин (бывший профессор и инспектор, потом проректор СПб-ской Духовной Академии); читает Новый Завет (с элементами Греческого языка) и нравственное богословие (христианскую этику); 3) доктор церковного права Протопресвитер, профессор Николай Григорьевич Попов, по кафедре Древней и Новой Церковной Истории, Патрологии и Каноники; 4) Протопресвитер Павел Николаевич Красотин — по кафедре Гомилетики (церковного красноречия) и Пастырского строительства; 5) магистр Киевской Духовной Академии (б. доцент названной Академии), профессор Василий Захарьевич Белоликов — по кафедре Истории Русской Церкви и сектоведения; 6) Магистр Казанской Духовной Академии, профессор Александр Иванович Вознесенский, читает «Историю христианской мысли и апологетическое ее обоснование»; 7) Протоиерей Павел Васильевич Богословский — по кафедре Священного Писания Ветхого Завета; 8) Магистр богословия, профессор Сергей Васильевич Савинский — читает Литургику и Церковную Археологию; 9) доктор философии, профессор Юлий Федорович Геккер, читает Социальную Этику. В настоящем учебном году Советом Академии приглашен к академическому сотрудничеству член Президиума Священного Синода Митрополит Петр Кавказский, читающий курс лекции по методике апологетики и борьбы с сектанством.

Метод преподавания—преимущественно лекционный; частично проводились семинарии (наиболее последовательно при кафедре «Христианской Этики» на I курсе и Свящ. Писания Н. З. на II и III курсах). Характер учебных занятий—жизненно-практический. Схоластический подход заметно изживается, и в этом отношении от профессоров и студентов требуется максимум самостоятельности и творчества. Основной уклон—апологетический. Последняя особенность учебной постановки, однако, ни мало не вредит задачам научной разработки академических дисциплин, поскольку православие, христианство и религия изучаются преимущественно в их историческом аспекте. С начала текущего учебного года Совет Академии, по докладу проректора, проф. С. М. Зарина, принял комплексную систему преподавания: на I курсе основной темой является «Церковь», на II—«христианство» и на III «религия». Особое внимание обращено на практику проповеди, и в этой области, по сравнению с прежними Академиями, достигнуты

беспорные и существенные успехи. За проповеднические труды в течение пр. года некоторыми епархиальными управлениями выражена особая благодарность нескольким, особенно даровитым и усердным в деле проповеди, студентам. В течение учебного года студентами I и II курсов были выполнены по 3 письменных работы, в форме рефератов. Студенты III курса разработали одну, избранную каждым, тему. Темы предлагались преимущественно церковно-общественного и апологетического характера. Добросовестность студентов, их трудолюбие и глубокий интерес дали не только вполне удовлетворительные результаты, но в некоторых случаях позволили им представить работы — без преувеличения — выдающиеся по своим достоинствам, и прежде всего — по широте и основательности изучения соответствующей литературы, с сохранением при этом самостоятельности в разработке вопроса и оригинальности в построении реферата. Представивший особенно выдающуюся работу студент Д. Соловьев оставлен на один год профессорским стипендиатом для усовершенствования в избранной им специальности (при кафедре «История христианской мысли»).

Были случаи представления диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и магистра богословия и лицами, получившими образование в прежних Духовных Академиях (например, Николадзе — о Соборах в Грузии, Мартышевский и др.).

В) Состав студентов.

В прошлом учебном году в Московской Богословской Академии было три курса.

На первом курсе Академии числилось 14 человек, а именно:

Священников — 1.

Диаконов — 4

Мирян — 9, из них одна женщина.

Вольнослушателей числилось 5 человек, из которых — один священник, один диакон, один мирянин и две мирянки. В течение года выбыл один священник-студент и один диакон-вольнослушатель.

б) На втором курсе числилось пятнадцать человек (15), из которых:

Священников — три.

Диаконов — четыре.

Мирян — восемь, из которых одна женщина.

Вольнослушателей на втором курсе числилось трое, из которых — один диакон и две женщины.

В) На третьем курсе числилось шестнадцать человек, из которых:

Священников — два.

Диаконов — «

Мирян — четырнадцать, из них одна женщина.

Из них окончило полный курс Академии и удостоены звания кандидатов Богословия семь человек, из которых одна женщина. Одна курсовая работа находится на рассмотрении профессоров; прочие не успели закончить своих диссертаций.

В нынешнем учебном году принято на первый курс в число действительных студентов пятнадцать человек, подано было

прошений 39; в настоящее время имеется еще одно прошение, подлежащее рассмотрению Совета Академии.

из них: священников — пять,

Диаконов — два,

Мирян — восемь.

Зачислено на первый курс (1927/8 г.) вольнослушателями: четыре человека, из которых один священник, один диакон и два мирянина. Кроме сего, имеются пятнадцать прошений о зачислении вольнослушателями в Академию, кои подлежат рассмотрению Совета Профессоров Московской Богословской Академии.

При приеме новых студентов применяется принцип своего рода выдвигательства, — местными органами церковного управления выдвигаются лица, заявившие себя религиозно-церковной настроенностью и, по возможности, соответствующей работою на местах. Таких лиц Епархиальные Управления командируют в Академию, поддерживают их материально назначением стипендий, а сами студенты в каникулярное время проводят проповедническую и вообще просветительную работу на местах. Было бы хорошо, если бы эти лица, поддерживая свою связь с выдвинувшими их местными общинами и организациями, по окончании курса Академии возвращались на места для постоянной уже работы.

Материальные ресурсы академии.

В деле содержания Академии самое главное участие принимает Священный Синод, при котором находится и Академия, — предоставляя для Академии помещение для аудиторий с отоплением, уборкой и освещением. Кроме сего, им отпускаются суммы, собранные из добровольных пожертвований по епархии в фонд религиозного просвещения, каковые идут на содержание Профессуры, а также и на нужды студентов; означенные суммы выразились в прошедшем году в следующей цифре: 7.836 р. 18 к.

Сравнительно наибольшие суммы прислала епархия Сталинградская, Тульская, Воронежская, Ташкентская, отчасти — Вятская, Пензенская, Петропавловская, Джетысуйская. По Уральской Митрополии наиболее внимательными к нуждам Академии проявили себя епархии: Ишимская, Н.-Тагильская, Челябинская. По Кавказской Метрополии — Кубано-Черноморская и Владикавказская. По Северо-Западной — Вологодская. По СОПС — Омская, Иркутская, Красноярская, Дальневосточная, Читинская.

Прошлым летом произведен капитальный ремонт студенческого общежития при церкви свв. Апостолов Петра и Павла на Басманной улице, числом на 60 студентов, каковой обошелся в 1.308 рублей. Другие наиболее крупные расходы: профессорам за чтение лекций — 3.378 р. 97 к.; содержание студенческих общежитий — 1.174 р. 59 к.; стипендии и пособия студентам — 526 и др.

Сверх сего, некоторые епархиальные управления и отдельные церковные деятели ассигновали средства специально на стипендии студентам Академии. Управление Владикавказское (для 4-х студентов), Кубано-Черноморское, Ишимское, Барнаульское, Джетысуйское, Сарапульское, Омское, Астраханское, Бакинское, Архиепископ Николай Гдовский.

Доклад на пленуме Св. Синода 22/XI—27 года.

Митрополита Александра Введенского.

Я должен обратить внимание уважаемого собрания, что весной 1927 года произошли некоторые решающие события в церковной жизни. Я разумею всем известный акт признания староцерковниками Соввласти. Я позволю себе напомнить высокому собранию некоторые основные моменты всем, правда, известные, но я хочу осветить их для уяснения будущего хода жизни, — некоторые моменты взаимоотношения церкви и государства, начиная с революции. Мы видим, как революция застигает церковь врасплох, иначе нельзя было характеризовать настроение очень умных церковников, как настроение людей, застигнутых врасплох. Когда некоторые Петроградские иереев обратились к заседавшему в то время царскому Св. Синоду (но уже после революции), с просьбой указать им, как и кого помянуть, то один из высоких митрополитов, махнув рукой, сказал: «Делайте, как хотите». Вот характерное настроение высокого чело-

века (высокого по внешнему положению). Я вспоминаю известного Ленинградского священника, окончившего Кембриджский или Оксфордский университет, — протоиерея Чепурина, который говорил в 1917 г., что нужно приложить все усилия к тому, чтобы отдалить момент отделения церкви от государства, потому что церковь, отделенная от государства, погибнет. Вот настроение видного церковника той эпохи. Бывший патриарх Тихон, который возглавил оформившееся, в условиях новой государственной жизни, церковное течение, как известно, занял резко враждебное отношение к новой государственной власти. Напоминать перипетии этапов этой борьбы государства с церковью я не буду, — они всем слишком известны. Собор 1923 г. положил градь взаимоотношений между церковью и государством, и я еще раз хочу напомнить эту основную позицию Собора 1923 года, ибо, как показывают теперешние со-

бытия, жизнь возвращает не только нас, но и врагов наших на позиции исторического, всемирно исторического, Собора 1923 года. Когда я думаю об этом соборе, то я осмеливаюсь сравнивать, по значимости христианского делания, только с собором 325 г., с первым Вселенским Собором. Потому—что первый Вселенский Собор положил основной, правильный теоретический подход к Божеству. Он положил основу нашего догматического творчества. Отныне раз и навсегда были пресечены самые возможности теоретически неправильного умствования о Божестве. Церковь впервые ясно, точно и определенно сказала об учении о Боге, а последующие Соборы продолжали лишь развивать те догматические мысли, которые заложил Священный Собор 325 г. Догматы мысли начинаются с этого собора. Собор 1923 года потек в условиях совершенно беспрецедентных для развития христианства, когда христианство оказалось на ряду с силой, которая формально разрывает с христианством, когда христианство второй раз возвращается, до известной степени, к условиям первохристианства, следовательно, теперь явилась необходимость для церкви сказать новое решающее слово уже не мысли, а дела. Как должно христианство отнестись к этому новому периоду человеческой истории? Что должно делать христианство? Ибо мы осмеливаемся сказать, что все высокие мысли, которые сказал миру Христос, достаточно уже теоретизированы, догматизированы, философски продуманы, философски оформлены, но эти мысли оказались настолько высокими для человечества, что они подобно горным вершинам, теряются где-то там, в заоблачных даях. Религиозные дела человечества не взойшли на эти горные вершины идеалов, а остались внизу, и в этой низине, в этой трясины, болотной трясины, мы, церковники, начинаем как бы погибать: ибо дела наши разошлись с требованиями Христа. И вот христианство от слова должно перейти к делу. Собор 1923 года положил начало догматам жизни,—да позволено будет мне внести такое, несколько новое наименование. Ибо, кроме догмата мысли, неизбежно теоретического положения, должен быть еще догмат жизни, столь же неизбежный, абсолютно точный, четкий, как сама истина. Имплиците (implicite) в евангелии дано нам все, но мы должны еще его перенести в эксплиците (explicite), т.е. потенциальную энергию—перевести в кинетическую, в актуальную, в энергию действия. И собор 1923 года кладет основу догматизирования жизненной формулы, как таковой. Я сейчас больше не буду философствовать по поводу принципа церковного строительства, возведенного Собором 1923 г., до степени абсолютной точности, а лишь отмечу его исключительную значимость: богатством этого собора будут еще жить века. Мы же, применительно к текущему моменту остановимся только на одном положении собора 1923 года, на вопросе о нормах взаимоотношения церкви и государства. Ибо, вся историческая трагедия христианства заключается, несомненно, в том, что христианство не захотело понять политического идеала Христа Спасителя, потому что, хотя Христос и не был политическим деятелем, но политическое учение имел. Я напомним некоторые всем известные речения евангелия. Христос стоит на суде у Пилата, и Пилат спрашивает его: «Ты царь»? Христос отвечает: «Да, я—царь, но царство мое не от мира сего и т. д.». Здесь Христос резко отграничивает себя от государства, резкую принципиальную, метафизическую грань проводит между своим царством и царством земным. Но ведь, скажут стоящие по др. сторону баррикад обновленчества, я могу по отношению к тому, кто стоит за рубежом относится по разному, я могу быть по отношению к нему агрессивным. Государство должно быть покорено под ноги Церкви, идеал церковный должен быть превыше идеала государственного. Вот тот теократический соблазн, которому, как известно, поддалась католическая Церковь, начиная с блаженного Августина. Кто не читал его «De civitate Dei» (о граде Божьем), этого грандиозного храма мысли, которой построен, однако, на неправильной религиозно-политической платформе? Итак, если церковь отделена от государства, то нужно государство покорить под ноги Церкви. Вот как будто-бы первый сам собой напрашивающийся идеал теократии, который развивается и должен развиваться на этой отсеченности церкви от государства. Христос, однако, смотрит совершенно иначе. Когда он подходит к вопросу о практическом взаимоотношении церкви к государству, он говорит: «отдай Кесарево кесареви, а Божие Богу». Многие видят в этом оппортунизм Христа, видят в этом приспособленчество Христа,—Христос не выдержал своего принципиаль-

ного политически-религиозного взгляда. до конца. Смотреть так на Христа, значит не понять всей его глубины, не измерять всей его несказанной высоты. Христос в одном месте говорит: «Без воли отца ни один даже волос не упадет с головы человека». Этим он хочет сказать, что весь план бытия, как такового, является раскрытием единого Божественного логического смысла. В мире нет случайного, в мире все является раскрытием верховной воли, эта воля выражается в тех законах, которыми управляют небесные светила, эти законы раскрываются и в судьбах человеческой истории. Поэтому, каждая страница человеческой истории листается Духом Святым. Человек вписывает своей рукой деяния, поступки и проступки, а Дух Святой листает эти страницы. Иногда мы ощущаем при этом лишь легкий ветерок, а иногда присутствуем при буре, при революционных сдвигах человеческой истории, когда книга истории судорожно мечется из стороны в сторону. Но и вдыхание тихого ветерка, и в революционно-катастрофических сдвигах человеческой истории, мы должны видеть волю Духа Божия, без которого не падает ни один волосок с нашей головы. Следовательно, Христос хочет показать нам, что в истории человечества раскрывается в полноте абсолютная Божественная воля. Это-то, что несколько утрируя потом сказал Гегель, который видел в человеческой истории самораскрытие абсолютного Духа. Итак, если та или иная историческая форма является волеизволением Божественного Духа, то человек должен смиренно принимать то, что открыла ему Божественная воля, как мы принимаем и туманный зимний день и яркое, веселее солнечное утро; как мы проходим от младенчества через зрелость к старческой дряхлости, и все это мы должны принимать как Божественный дар. Также мы должны принимать и историческую государственную форму.

Власть устанавливается Божественным Промыслом, поэтому мы должны к ней относиться религиозно,—воздавая кесарево кесареви, потому что кесарь (государственная власть)—от Бога. Вот почему, отделяя церковь от государства, Христос не только не поставил церковь в агрессивную позицию к этому государству, а наоборот, Христос установил великий (если поворить языком современности) принцип кооперирования, сотворчества, содействия церкви в отношении к государству. Смотрите, как апостолы непрестанно внушают своим ученикам: «Каждый в каком звании признан, в том и оставайся». Очевидно, апостолы предвидели в духоносных перспективах возможность отречения христианства от мира, аскетическое отторжение церкви от мира, от красоты этого мира. И апостолы заранее отвергают этот соблазн, это демоническое искушение (толстовство, монашество). Следовательно, христиане должны быть активными участниками государственного социального строительства. Все мы знаем, что Христос осуждает богатство и неравенство, тоже говорят и св. отцы—Киприан Карфагенский и Амвросий Медиоланский. Все это еще и еще раз подчеркивает, что Христос хочет, чтобы христиане были активными строителями реальной действительности, но в тоже время внутренне отделенными от всего мира, как такового. Мы должны служить миру, но не пленяться им, как сказал Господь в своей первосвященнической молитве. «Не молю тебя, до возмешь их от мира, но да соблюдеши их от неприязни». Внутренняя свобода, непрестанное ощущение себя гражданином вечности—вот решающий момент психологии каждого подлинного верующего. Теперь от этих общих теоретических предпосылок евангелия я перехожу к условиям русской религиозной действительности. Мы стоим перед фактом отделения церкви от государства. Когда государство, не желая, как государство, быть агрессивным по отношению к религии, разрывает всякие формы государственной опеки над церковью,—церковь делается формально, юридически свободной. Церковь отделена от государства и не только метафизически, как говорит Христос в беседе с Пилатом, но и юридически. Подлинное православие этот принцип отделения церкви от государства должно признать религиозно. Это—принцип евангелия от Иоанна; это—принцип самого Христа Иисуса, ибо царство его не отсюда. Царство наше есть царство духовного внутреннего совершенствования. Таким образом, принцип отделения церкви от государства является для нас приемлемым не только, как для граждан современного советского строя, но и как для глубоко сознающих смысл существования церкви в мире верующих. С другой стороны, это не значит, что я буду говорить народным языком: «Моя хата с краю—ни-

чего не знаю». Это не значит, что мы выбрасываемся за борт жизни, это не значит, что мы делаемся ненужными добавками прошлого. С точки зрения верующих, вера является не меркнущей, ценной и вечной. Надо только так устроить, чтобы каждый верующий в этом мире дарованными ему Богом талантами был активным, полезным государственным человеком. Отсюда—оправдание Собором 1923 г. принципов нового советского строя, тех идеалов, к которым не движется, и призыв к активной работе верующих в условиях новых общественных рамок. Это воздавание «кесарево кесарю» при внутреннем сознании, что все—Богви и при глубоком понимании христианства, о чем я буду говорить дальше, как религии творческой, как религии вечного благодатного движения мира к Богу. Итак, Собор 1923 г. принял религиозную позицию в вопросе об отделении церкви от государства. И вы знаете, какую свирепую, стихийную, безумную ненависть вызвало это в недрах старой церкви. Я не буду поминать этих мрачных, до ныне во многих местах неизжитых, чрезвычайно тяжелых коллизий и катастроф, которые пережить лично и общественно пришлось весьма многим нашим обновленцам, как в низах, так и на верхах. Бывший патриарх Тихон принципиально отрекся от собора 1923 года, но жизнь заставила его понемножку, шаг за шагом, делать определенные уступки: признание Соввласти в 1923 году, так называемое посмертное завещание; деятельность целого ряда эпигонов тихоновщины. Все это развернулось на наших глазах. Но я полагаю, что эта кино-лента совсем не так завлекательна, чтобы лишней раз демонстрировать ее на экране нашего воображения. Я перехожу к событиям текущего момента. Мы видели, как в результате всевозможных попыток более осмысленных руководителей староцерковничества примирить староцерковное сознание с сознанием государственным, как все эти попытки развенчались жизнью. Староцерковничество стабилизировалось на политической ненависти к новому строю; оно его органически не приняло; оно уходило от одного вождя к другому, желая видеть в них тех лидеров, которые приводят церковь к союзу с государством, несомненно, реставрационно-монархическим. И вот один из лидеров староцерковничества, лидеров непримиримых, который не желал раньше принимать условия нового государственного строя в последние месяцы и годы предшествующего отчетного периода, был Сергей Страгородский. Вот почему, когда теперь Сергей, митрополит Нижегородский, признал государственную власть, мы можем констатировать в этом факте не что иное, как окончательный крах политической платформы староцерковничества. Что Сергей признал власть, вы сами знаете; в какой форме он ее признал, вы также знаете. Бессмертная фраза, которую я могу сравнить с афоризмом Кузьмы Пруткова, «Ваши радости—наши радости, ваши горести—наши горести». Когда то, я с этого же высокого места говорил в 1925 году, что Достоевский приметил замечательную черточку в психологии русского человека. «Любит,—говорит он,—русский человек сапоги чистить у начальства». И я указывал, что обновленчество, при всем своем глубоком уважении к новому государственному строительству, не будет лакеем, не будет чистить лакированных красных сапог, но очевидно, кой-кому эта профессия все-же показалась завлекательной. Рассуждая о Сергии Страгородском и его сподвижниках, я бы сказал, что это—наши ученики. Они, слава Богу, перешли из подготовительного класса политграмоты в первый. Жизнь заставила и их бросить свою старую позицию. Мы в Св. Синоде запрашивали места, как реагировали тихоновцы на то, что их лидер Сергей признал советскую власть, да еще так колоритно, сочно и энергично. Оказывается, что в о з з в а н и е его не только не зачитывалось, но и замалчивалось. Даже больше—не только не зачитывалось, и замалчивалось, но переименовывалось; появились комментарии к этому великому произведению, подобно комментариям и критике чистого разума Канта. На них необходимо остановиться, чтобы понять психологию староцерковников. На одном видном собрании их одной из северных епархий после того, как была прочтена эта бессмертная фраза, была высказана мысль, что в ней необходимо сделать некоторую стилистическую перестановку и читать: «Ваши радости—наши горести, ваши горести—наши радости».

Умри, Денис, скажу я, лучше тихоновцу не написать. Здесь выразилась вся староцерковная идеология. По коготку узнаешь, что за лев перед тобой. Но я боюсь, что это только

новая маскировка староцерковничества, новая перелицовка в советского льва, который в самом деле остается белогвардейским общипанным орленком. Я не буду отрицать, быть может, всю субъективную значимость искреннего порыва целого ряда староцерковников, ибо иные из них имеют глаза, чтобы видеть и уши, чтобы слышать. Если они имеют глаза, то они видят, что военное положение церкви в государстве приведет лишь к военному разгрому церкви, как таковой. Здесь полезно вспомнить слова Христа: взявший меч, от меча погибнет. Поэтому естественно, что ответственные работники церкви, если они ответственны перед совестью и церковью, должны сделать все для того, чтобы государство встало в нормальное отношение к церкви и церковь к государству. С точки зрения новой позиции Сергиевщины, мы должны видеть оправдание нашей позиции. Об этом мы говорили 5 лет просто, азбучно, элементарно-политграмотно, истину, а нас не хотят понимать. Сейчас, Слава Богу, нас понемногу уже начинают понимать магистры богословия, ибо Сергий—магистр богословия. Это обстоятельство имеет для нас огромное оправдание. И если мы достаточно объясним и втолкуем этот момент народу, то, быть может, во многих местах мы уничтожим ту язву, вырвем то жало, которым они пытаются нас отравить. Однако, я должен сказать еще несколько слов, характеризующих нашу современную сергиевщину. Сергиевщина, как известно, пытается распространить свое влияние и на запад; там происходит религиозно-административная неразбериха. Я забыл захватить с собой один из номеров эмигрантской газеты «Рассвет», где по поводу воззвания Сергия сообщается постановление церковников: лучше его не пропагандировать—решили в Париже, потому что не известно, какие комментарии даст жизнь на этот новый акт. Первое время говорили, что это большевистская выдумка, но потом убедились, что Сергей действительно выпустил это воззвание. И наконец,—дипломатическая хитроумная переписка между Евлогием Парижским и Сергием Московским, где Евлагий всячески пытается уйти от создавшегося для него неприятного положения, ибо Сергей, надо отдать ему честь, призвал к церковному ответу зарвавшегося Евлогия. Я не буду посвящать вас в детали этой переписки, но в конечном счете, по последним сведениям, Евлогий признал власть Сергия. Дело в том, что самого Евлогия далеко не все признают не только в Париже, но и в целом ряде городов Франции, Германии, Англии, Италии, крупнейших русских общинах Лондона и т. д. В эмигрантской газете приводятся списки отказавшихся признать юрисдикцию Сергия потому, потому что они не признают юрисдикции Евлогия. Я уже не буду говорить о той сугубо непримиримой позиции, которую попрежнему занимает наш старый «друг» и знакомец Антоний Храповицкий. Итак, Сергиевщина пытается оздоровить церковную жизнь. И если они становятся на правильный путь общественных взаимоотношений, если в данном случае, мы можем поставить знак равенства, до известной степени, между нашей политической идеологией и их—забывая «бессмертную фразу»,—то с одной стороны жизнь показывает, что Сергей перестает быть авторитетом для староцерковников в ту минуту, когда требует безоговорочного признания совласти, а с другой стороны, мы видим непрестанный рост оппозиции в недрах самой тихоновщины, мы видим, прежде всего, других наших знакомцев и «доброжелателей», т. н. Григориан. С точки зрения тех наблюдений, которые имели мы, члены президиума, сейчас, в результате этого акта сергиевщины, начинают выигрывать Григориане. Они совершенно справедливо указывают, что, во-первых, они значительно раньше, нежели Сергей, сделали успех в религиозно-политической области, а во-вторых,—что они держались с большим достоинством, никогда они этих Прутковских афоризмов в оборот церкви не пускали. Они лояльны, они не адекватны к государственной власти, как таковой; они не скажут: ваши радости—наши радости, и конечно в этом для них есть большой религиозно-моральный плюс. Они признали власть, но с известным церковным достоинством. Вот почему сейчас они, в некоторых местах, начинают укрепляться. Сделав это небольшое политическое обозрение староцерковничества, я хочу остановиться на нем с точки зрения чисто церковной, в смысле взаимоотношений староцерковничества к нам. Ибо, как известно, у многих обновленцев явилась соблазнительная мысль: если теперь политическая преграда, отделявшая нас от них, пала, то не наступило ли время протянуть нам дружес-

ские руки. Нас, ведь, как будто отделяли не моменты православия, ибо у нас одна вера, а моменты политики, общественные. Следовательно, настало время сочетаться нам и им. В городе Нерехте, где я был осенью текущего года, в епархии арх. Николая Костромского, некоторые тихоновские священники на диспуте: «У кого истина» выступали с предложением Св. Синоду православной Церкви срочно объединиться с Сергием. Причем инициатива, по мнению одного из протоиереев, должна исходить от самих тихоновцев. Логика вещей, как будто бы и обязывает сергиевцев подойти к нам. Если они от нас научились, то не естественно ли, что учителю надо отдать знак уважения, приветствия, снять перед ним шляпу. Итак, логика, как будто бы, и обязывает их к этому шагу, но к сожалению, в мире много не рационального. Староцерковники, разбитые нами на фронте общественно-политическом, сейчас пытаются взять реванш на фронте чисто религиозном. У меня есть донесение Нижегородского епархиального управления, в котором сообщается, что Сергей Староградский седьмого ноября служил молебен о власти и т. д. Итак, Сергей молится о власти, произносит речи чисто политического характера, это лишнее раз подчеркивает нашу общественную одинаковость позиций. Но тут же, в Вознесенской церкви Нижнего Новгорода, он сильно злословил по адресу обновленцев, не только обвинял нас в безблагодатности, но и запрещал иметь какое-бы то ни было общение с нами. Это было 6 ноября текущего года. Митрополит Сергей, в результате политического перемирия, которое невольно наступило между нами и ими, не только не желает засылать к нам парламентариев для обсуждения условий мирного договора, но объявляет решительную войну. Итак, если не помогли бомбы полемики, начиненные политической ненавистью, то теперь начинают эти полемические бомбы динамизировать различными канонами и справками, почерпнутыми преимущественно из сокровищницы богословской недоучености, и пускать в наш лагерь. Мы уже не только безблагодатны, но самое общение с нами опасно. Теперь тихоновцы весьма легко общаются с евреями, с безбожниками, с сектантами, и это их не оскверняет, а общение с нами их оскверняет. Это уже принципиальный возврат к старообрядчеству. Мы имеем сведения, что сам Сергей не признает наших таинств, кроме крещения, но по некоторым сведениям, он и крещение не признает. Есть факты, которые указывают, что Сергей перекрещивает крещенных нами, причем сергиевские епископы дают такие указания: пусть лучше бабка-акушерка крестит, но не обновленческий священник. Дальше в религиозной ненависти, при всем желании, идти не возможно. Пусть это послужит уроком для тех, которые полагают, что сейчас настало время для механического объединения между нами и сергиевщиной. Разделение между нами и сергиевцами может быть изжито, лишь при некоторых условиях, о которых я буду говорить во 2-ой части своего доклада. Высокое собрание! сергиевщина не ищет и не желает с нами мира и объявляет нам новый бой. На знаменах у них написана ненависть, но мы знаем, кто вручает эти знамена и кому служат те, которые идут во имя этой ненависти. Там, где есть ненависть — нет Христа. Теперь я перехожу к церковной позиции Григорьевцев. Благодатны мы или нет с точки зрения Григорьевцев? В момент тяжелых упадков мы готовы рассуждать: как каноничны мы или нет, признают нас староцерковники или нет. Я лично, когда меня поведут на староцерковнический суд, имею сейчас некоторое весомое, документальное доказательство своей благодатности. Сейчас у меня имеется занумерованная, зафиксированная благодатность. Я получил от ВВЦС официальное приглашение-билет на их Съезд, который только что закончился в Донском монастыре. № 62, подпись секретаря ВВЦС, печать «Митрополиту Александру Введенскому». Пусть они теперь на диспутах поспорят, что я неблагоприятен, а так как я только один из членов высокой коллегии обновленческих епископов, то очевидно мы все — благодатны...

Итак, Священный Синод нашей православной церкви по отношению к государству держался и держится все время полной добросовестности признания при полной внутренней религиозной независимости, — согласно параграфу 13 Конституции, согласно декрету отделения Церкви от Государства. Мы рекомендуем еще и еще раз твердо и неуклонно держаться этой единственной точки зрения. Это не значит, что мы враждебно настроены в отношении государства, это не значит также, что мы оппортунисты. Нет, нам надо встать, наконец,

в чисто религиозное отношение к государству. И Президиум Св. Синода, между прочим, полагает, что настало время это жизненное требование оформить в определенном акте. Так как мы должны относиться к власти религиозно, то мы должны ее молитвенно помянуть. Поминование государственной власти кой-где происходит, в большинстве мест, насколько я знаю, не практикуется, и некоторыми даже с опаской встречается самая эта мысль. Как мы можем помянуть безбожную власть — говорят они. Кто читал преподобного Исаака Сирианянина, слова его — подвижнические, тот помнит высокое, проникнутое глубоким пафосом религиозного чувства, место о молитве за весь мир. Кто знает апостолов, тот знает категорическое требование их молиться за власть, хотя в то время властью были те, кто посылал их на смерть. Таким образом, молиться за власть — это наш прямой долг. Вот почему Св. Синод и президиум его выработал форму поминовения власти, которую и предлагает на утверждение Пленума. Так как эта формула связана с поминовением самого Св. Синода, то я скажу два слова о Св. Синоде. Некоторые представители автокефальных церквей нарочито подчеркивают, что мы — Российский Синод, или даже, как пишут украинцы, Московский Синод. В результате этого с Украинской церковью создались чрезвычайно ненормальные отношения. Этому вопросу будет посвящен специальный доклад и будет вынесен определенный ультиматум, ибо Украинский Синод расценивает нас, как Московитов, тогда как мы не являемся ими в смысле нашей значимости. Если вы вспомните те пригласительные билеты, которые вы имели на соборе 1925 года, то вы вспомните, что там было определенно сказано «Собор Православных Церквей на территории СССР». Это наименование говорило, что мы являемся представителями, так сказать, Всесоюзного Синода. Слово это нам употреблять не совсем удобно, потому что имеется ССР, а этот союз, как таковой, является не церковным. Но, несмотря на это, мы являемся не только Российским Синодом, ибо Россия есть только единица в конгломерате новых общественно-государственных единиц, но мы имеем функции, распространенные на все церкви, находящиеся в пределах нового Советского Государства, и мыслим себя, как центральную, а не как отдельную московскую административно-каноническую единицу. Вот почему мы должны напомнить всем автокефальным церквям, что мы являемся инстанцией, решающей для них, подобно тому, как ЦИК Украины входит в ЦИК СССР. Поэтому, надо в сознание каждого члена обновленческой православной церкви внедрить убеждение, что мы являемся верховной организацией для лиц, живущих и на берегах Ледовитого океана и в пределах юга и благодатного Крыма и на берегах Тихого океана, и во всем СССР, поэтому должна быть общая молитва за Синод. Мы выработали специальную формулу поминовения на ектеньях и на диаконских выключках, и на многолетствованиях. Это я в качестве проекта и имею честь огласить сейчас. (См. формулу поминовения стр. 24). Итак, на великой и сугубой ектеньях помянуть: О святейших Восточных патриархах, мы нарочно подчеркиваем «восточных» потому, что тихоновцы могут выбрать какого-нибудь своего русского патриарха и вздумают помянуть его. Такого патриарха мы не признаем, потому что самый институт патриаршества отменен у нас навсегда. «О Св. Синоде Православной Церкви, Богохранимой стране нашей и первоиерархе ее митрополите Вениамине», затем поминается правящий епископ и т. д.

Необходимо, чтобы это было принято одинаково и на Урале и в Туркестане, и в Узбекистане и т. д. Дальше, в виду того, что Св. Синод имеет решающее значение для православных церквей всего союза республик, то мы на ектеньях молимся о Св. Синоде Богохранимой страны нашей, так как неудобно говорить о Св. Синоде, находящемся в СССР. На диаконских выключках, мы хотим предложить прекратить поминовение томившихся в тюрьмах, ибо там сидят сейчас только жулики и контр-революционеры, вместо этого мы говорим: «О избавлении братии нашей во всех скорбях и т. д.» Эта простая формула очень удобна.

Сейчас я перехожу ко 2-му и — мне кажется — наиболее существенному моменту доклада, который должен быть нами обсужден со всей решающей серьезностью. Теперь мы политически с тихоновцами приблизительно одинаковы. Сейчас поэтому я должен сказать о религиозном смысле обновленчества, потому что, как нам приходится слышать, не только ря-

довые священники, но и епископы, когда их спрашивают: в чем же отличие обновленцев, теряются и не знают, что отвечать. «Краска стыда выступает на лице», — говорят они, — «при этом вопросе». Один из сибирских епископов, талантливый епископ Александр Васильевич Введенский, пишет мне: «Когда меня спрашивают об этом, то я начинаю говорить: «женатый епископат, второбрачие духовенства, а потом мне делается совестно, как будто бы и сказать нечего». Отсюда естественная внутренняя туга идейных членов нашего обновленческого коллектива. Отсюда и попытка индивидуально и коллективно, как-то явочным образом, явочным порядком, поставить обновленческую, православную церковь перед некоторыми фактами, чтобы мы их могли принять. Факты эти различны: введение в богослужение русского языка, иногда создание новых литургий и т. д. Этот момент заставляет нас серьезно задуматься. Дальше идут попытки более серьезные. Я разумею платформу Ленинградских обновленцев, их известную программу, которую мы все читали с большим интересом и сочувствием, но на которой все не сошлись. Итак, в чем же дело? Можно ли найти то, что может нас всех объединить, или этого нет? Говоря об этом, я не хочу вас учить, я говорю это для того, чтобы уяснить себе и вам те отправные пункты, откуда мы и должны производить предварительную постройку той магистрали, которая подходит к конечной станции спасения церкви. Я напому вам самый смысл христианства. Ведь вся наша распря со староцерковниками есть — чисто принципиальная, она имеет не только политический момент, но и момент внутренне-религиозный. У староцерковников доминирующим моментом их психологии является то, что проф. Рождественская назвала, правда не по этому поводу, — страхом за потревоженные святыни. И вот этот страх за возможность потревожить некоторые святыни и является тем фундаментом, психологическим фундаментом, на котором расцвели все тихоновские цветы зла в виде нетерпимости и фанатичности по отношению к нам — еретикам, красным, безблагодатным и т. д. До известной степени их страх оправдывается, у них есть инстинкт и инстинкт как будто верный, но с более глубокой точки зрения он не верен, потому что страх их потерять некоторую ценность направлен по отношению к тем объектам, которые имеют лишь мнимую ценность. Решающим принципом староцерковничества является классическая формула. «До нас положено и лежит во веки веков». Это, вспоминая выражение проф. Лапшина, — «Трусость мышления».

Я отношусь с глубоким уважением к церковной традиции и являюсь, например, резким противником русификации богослужения. Меня упрекают за это в консерватизме, в отсталости, что ж, может быть, я и отстал. Но я вовсе не являюсь в шорах, рвущимся вперед обновленческим вожаком, который ничего не видит и летит вперед. Я полагаю, что в шоры нам становиться нельзя, да и не нужно. Традиция должна для нас иметь большое значение. Традиция складывается из лучшего, отобранного данной эпохи. Здесь происходит как бы Дарвинистический эволюционный принцип, когда не жизнеспособное постепенно отбрасывается жизнью, а лучшее и самое красивое отбирается и передается следующему поколению. Маленький пример — из области литургии. Что может быть прекраснее Литургии Иоанна Златоуста? Прозрачная красота, полнота пафоса. И когда читаешь бесконечно архаические литургии первых веков, то понимаешь, почему постепенно церковь перешла к тонкой, прозрачной, одухотворенной Литургии Иоанна — Архиепископа Константинопольского. Здесь было отобрано самое лучшее, поэтому традиция для меня бесконечно дорога, я дорожу ей, правильно понятой, но не нужно забывать следующего. Маленький пример из жизни. В музеи мы собираем чрезвычайно ценные вещи, но на них все-таки садится пыль. Горе тому, кто музейную пыль смешает с музейной драгоценностью. В том и заключается психологическая неразбериха современного староцерковничества, что оно спутало музейные ценности, сохранившиеся из глубины веков, с пылью жизни, которая нанесла на них в этом процессе диалектического развития церковной истории. Отсюда староцерковники одинаково дрожат, или, пожалуй, даже больше — над пылью, нежели над сущностью, меньше думают о сущности канонов, нежели о длинных волосах, более обеспокоены семейным положением архиерея, нежели его внутренней настроенностью. В староцерковничестве преобладает момент статический, момент священного успокоения. Перед нами дерево

церкви, оно растет и зеленеет, а мы говорим: «нет, Господи, а вдруг это дерево простудится, мы для того, чтобы сохранить его, надеваем на него стеклянный колпак бессмысленной статики, дерево перестает расти, оно погибает. В этом заключается первичный грех староцерковничества, в том, что у них преобладает момент глубочайшей статики. В противовес этому, в христианстве преобладает момент динамики. Мы все евангелие понимаем больше по шаблону и трафарету и из этого вербального понимания Слова Божия мы не замечаем того, что оно является огромной внутренней системой. Профессор Шмидт, известный немецкий священник, заявил недавно, что евангелие имеет стихотворную форму, что оно написано по определенному размеру, по определенному принципу. У меня есть его работа, написанная на французском языке, где он подробно говорит о том, почему мы должны смотреть на евангелие, как на известного рода поэтическое произведение. До профессора Шмидта евангелие читалось века, и никто не замечал, что это — поэтическое произведение. Таким образом, если мы в течение этого времени не могли узнать даже форму евангелия, то дух и мысли его нами, — благодаря шаблонному отношению, — не поняты до сих пор. А между прочим, Евангелие насковозь проникнуто динамикой, на это указал в свое время прот. Егоров. В 1917 году в Ленинграде мы издавали газету «Вестник труда» — журнал чисто общественный. И Егоров, рассуждая о труде с точки зрения христианства, приводит цитату из евангелия Иоанна. «Отец мой доселе делает и я делаю». Мы придумали за Бога, что он ничего не делает, а все время отдыхает. Это — не трудовая точка зрения на Божество. Ясно, что это — измышление не богословия, а богословов комнатного типа, как выражается Джемс. Творческая энергия Божества; процесс творчества проходит через все Евангелие от начала до конца. Сам Христос говорит о себе, как о величайшем активисте. И надо было иметь Толстовскую близорукость для того, чтобы представлять Христа в виде религиозного квиэтиста, который пребывает в религиозном «Dolce far niente» (сладком ничегонеделании), как выражаются итальянцы. Это и заставило мир идти своей дорогой, а мы церковники остались в хвосте жизни, потому, что забыли динамический принцип Евангелия. А Христос всюду выявляет этот принцип. Евангельскую истину он сравнивает с дрожжами, которые вскашивают все тесто, вкуса их вы не ощущаете, а между тем они проникли все тесто, иначе оно бы не взмогло. Сравняет и с горчичным зерном, которое меньше всякого семени, но из которого вырастает огромное дерево. Зернышка уже нет, но оно родило, претворилось в дерево. Итак, всюду Господь проводит принцип творчества, динамики, активности. Об этом же говорит он и в своей неизреченно глубокой беседе с самарянкой в знойный полдень у колодца. Бог есть Дух. Поклоняющийся ему должен поклониться в Духе и истине. Таковых поклонников ищет Отец. Я думаю, что староцерковники настолько заблудились, служа букве, а не Духу, что Бог даже их и не ищет, потому что они не поклоняются Духу. Их нашел кто-то другой. Кто ищет Бога, как Духа, того принимает Господь. Только таких поклонников ищет Отец небесный. Потому мы должны в наше понимание христианства вложить принцип творчества. Всегда в недрах жизни совершается тот процесс, который Бергсон охарактеризовал как жизненный порыв, как взлет энергии. Это есть сущность всякой жизни, как таковой. И я полагаю, что только от нашей мудрости, такта и общечеловеческой культурности будет зависеть проведение этого принципа в жизнь. Мы можем здесь указать на историю соборов, как на определенную цепочку творческих актов. Звено за звеном ковал небесный ювелир новое понимание истины на вечных началах. Начало одно, фундамент заложен Христом, зернышко горчичное есть абсолютная истина, в которой мы не должны сомневаться. Но из всего этого получились цветы разной формы и разного аромата, но цветы живые. Мы должны понять православие, как живой поток Божественной правды, — это лежит в основе обновления. Кто так понимает этот принцип, только тот и есть истинный обновленец, только тот и есть христианин. Но, конечно, мы должны понять христианство с точки зрения мощного православного творчества, а не строить церковную жизнь по принципу индивидуального усмотрения. Здесь нужно серьезно отнестись к тем, которые полагают, что имеют так много сил, что они, подобно Самсону, могут разрушить храм традиции, к сожалению, они повидимому, забывают, что все-таки Самсон был сам

раздавлен этим храмом. Поэтому необходимо напомнить этим людям, что они могут погибнуть. У нас есть печальный пример — Антонин, которого мы чтим и искренно любили в свое время и который потом так бесславно погиб. Гегель сказал, что история выдвигает часто одни и те же персонажи дважды, но, добавил другой мыслитель, один раз, — как героический момент, а другой, — как комический момент. Когда Антонин был Антонином — православным — это был большой человек, но когда Митрополит Антонин вздумал потрясти все церковное здание, то он бесславно погиб, не в смысле своей личной жизни, а в смысле своего дела. Дело его начало гибнуть еще при его жизни. Антониновщины сейчас нет и в помине. Сейчас даже дело более умного и культурного человека, чем Антонин, дело о Егорова находится в очень опасных руках, потому что его ученики оказались меньше своего учителя. У Антонина был порыв, но он пошел, не считаясь с традицией, традиция рухнула и задавила его. Итак, я предостерегаю увлекающихся индивидуальным творчеством. За последнее время мне приходилось видеть очень многих работников, которые занимаются этим творчеством. Я лично с большой симпатией отношусь к начинаниям о. Жукова, считаю его большим литературным талантом, я отношусь с большим уважением к о. Боярскому, я могу назвать и другие имена, и все-таки я боюсь, что **если мы уничтожим славянское богослужение, то из этого ничего хорошего не выйдет.** Я не отрицаю русского языка, но нужна большая осторожность. Следовательно, требуется найти что-то среднее, а это будет уже соборным приятием. Когда соборно осознается, когда соборно сопереживается, только тогда и можно будет проводить это в жизнь. Вот почему мы все наше обновленческое движение полагаем, как соборный момент. Для нас все попытки того или иного человека объявить себя вождем православия не приемлемы. Нет такого человека, в котором бы сидело православие. Это — католическая точка зрения. Там истина сидит, ночует рядом с папой. У этой близости между метафизической истиной и персональной значимостью нет. Но, увы, этот принцип папизма начинает давать сейчас некоторые отвратные ростки и у нас. Следовательно, единственно-православный принцип выдвигала, выдвигает и будет выдвигать только соборность. Широкий принцип соборности должен быть самой характерной чертой нашей внешней сущности. Это показывает нам и сама психология жизни. Нам важно принять правильные выводы соборности в широком смысле слова, нам важно демократическое понимание христианства. Христос, обращаясь к своим ученикам, сказал: а вы не называйте себя учениками и учителями, потому что вы все — братья. Разрешите напомнить, что слова — мы все братья, должны быть характернейшим признаком обновленческой идеологии, в ее внешнем отношении к церковной жизни. С принципом соборности мы можем подойти и к текущему моменту. Что требует сейчас от нас жизнь? Жизнь быстро движется вперед, ее нельзя заставить вести себя спокойно и смиренно, как нельзя заставить течь смиренно весной речку, только что вырвавшуюся из ледяных оков. Жизнь есть живой поток и если бы мы хотели задержать его, то все равно ничего бы не вышло. Поэтому я полагаю, что обновленчество не может и не должно иметь никаких программ, никаких настольных книжек, — вообще ничего внешнего. У нас должен быть соборный принцип, принцип выявленный, выполненный до конца, заложенный в Евангелии, то что имплиците — заложенное внутри переводится в эксплиците. Мы хотим вернуться к первохристианскому совершенству. Но если вы поймете это, как своего рода реконструкцию христианства, то это будет не совсем правильно. Потому что из 20-го века в первый — никак не перескочишь, ибо 20-й век есть век аэропланов, а первый, — есть век лодок с веслами. Поэтому не надо понимать обновление, как полный возврат к первохристианству, как таковому, а надо в условиях современной жизни влить первохристианский дух. Больше того, нужно влить дух христианства не апостольских времен, а времени самого Христа. Выявить это абсолютно и точно в условиях современной жизни и соборно предписать для текущего момента. Мы не должны возвышаться над жизнью, но не должны и отставать от нее. Сейчас мы видим, что народную массу не все удовлетворяет в христианстве. Это ярко иллюстрируется на росте сектантства. Это извращенное понимание христианства, но на это не обращается особого внимания. Люди ищут огонька и огонька живого, потому что у нас,

как они говорят, имеются лишь бутафорские огни. Подобные огни бывают на сцене, издали они кажутся настоящими, а оказывается от них нельзя даже папироски закурить. Я боюсь, чтобы внутренняя красота огня не оказалась у нас, именно, бутафорской, иллюзорной красотой. В сектантство бегут те, которые не находят внутренней правды у нас. Следовательно, в данный момент от нас чего-то требуют и требование это неотложно. Поэтому от обновления требуется перейти к делу. Президиум Св. Синода, обсуждая вопрос о том, что можно было бы предложить церкви для текущего момента, не могли на чем ином остановиться, как на том, чтобы еще раз осознать наш институт пастырства, потому что прежде чем приводить ко Христу других, нам необходимо, прежде всего, подойти к нему самим. Кант в своих лекциях о религии говорит, что вся трагедия педагогики заключается в том, что педагоги сами внутренне не воспитаны. Не знаю, так или не так обстоит дело в педагогике, но в религии это многих должно заставить серьезно подумать. Мы видим, что старое духовенство, я говорю это не в хронологическом смысле, не в смысле количества лет, прослуженных тем или иным пастырем, а в смысле принципиальном, — старое духовенство само не шло ко Христу и других не вело. Я буду говорить о руководящих слоях нашего духовенства — о епископах. Что можно сказать о староцерковнических епископах в широком смысле этого слова? Горьких слов говорить не хочется, а хороших, при всем желании, найти не могу. Поэтому, пусть каждый вспомнит, что само собой вспоминается, когда думаешь о старом духовенстве. Когда я лично думаю о нем, то всегда вижу ясно такую картину: — черное небо, на нем горят кой-где звездочки, но от этого небо делается еще темней. Вот вам монашеский епископат. Среди нас присутствует Высокопреосвященнейший Митрополит Вениамин, представитель монашества и др. монахи епископы, и да не будут им мои слова комплиментом и лестью, но я думаю, что это и есть те звездочки, которые перешли к нам и горят сейчас обновленческим светом, а тем осталось одно лишь черное небо, и то монашество, которое находилось сейчас с нами, является прекрасным монашеством. Однако, сама жизнь подчеркивает, что монашество отжило свой век, и Собор 1923 года выдвигает институт женатого епископата. Надо иметь староцерковническую тупость и низость, чтобы думать и говорить, что обновление заключается в перемене спальных принадлежностей в квартирах архиереев. Уважаемые братья, для того, чтобы судить вообще, нужно самую высоту дела поднять до уровня своего культурного понимания, а это будет зависеть от способностей восприятия данного человека. Можно обновленчество расценивать и по сексуальному моменту, но это будет момент внутренне развратный. Тот кто развратен сам, тот развратно расценивает и поведение другого. Когда собор 1923 года выдвигал институт брачного епископата, то не хотел ли он воззвать к лучшим силам церкви. Не рассказывал ли нам Митрополит Вениамин, лучший из епископов монах, что с начала он был белым священником и лишь Промыслом Божиим, благодаря семейным скорбям, стал монашествующим епископом. У нас есть масса епископов монахов, которых я ценю, как людей, но мне всегда вспоминаются авторитетные слова моего лучшего профессора Андреева. По его словам в монахи шли только люди дефективные. У каждого из них, обязательно, был какой-нибудь дефект; они не были людьми сумасшедшими, но именно **дефективными**. В их психологии всегда было болезненно патологическое устремление. Итак, монашествующий епископат, как таковой, никогда не был лучшим. Собор 1923 года, вводя женатый епископат громко сказал: пусть всякий кто лучший, приходит к нам, а мы не будем обращать внимание на его семейную жизнь, но это вовсе не значит, что церковь прикрывает распутство и разнузданность. Собор сказал, что ценность человека определяется его внутренней настроенностью. Епископ должен быть самым умным, культурным, образованным, героически настроенным. Вот идеал, требуемый от современного епископа. Итак, в подавляющем большинстве случаев, в старое время, все лучшие шли в белые священники, но не в монахи. Поэтому естественно, что собор 1923 г. возвел белый епископат, как равночестный. У нас нет приоритета белого духовенства над черным и наоборот, — мы равноценны. И этим мы делаем то, что подсказывает сама жизнь. Я привожу сейчас лишь итоги наиболее ярких работников из среды нашего семейного епископата. Нужна ли примеры? Их указывает нам

сама жизнь. Но, однако, я позволю себе привести их не для того, чтобы возвысить одних и унижить других, но потому, что их оправдала сама жизнь. Возьмите Ленинградскую епархию: во главе ее стоит епископ монах, там работает богатырски могучее ядро: архиеп. Платонов, прот. Боярский, проф. Титлинов. В северной митрополии арх. Павел Раевский. Вот их коллективными усилиями создано то, что Ленинград на севере сияет южными настроениями. Нужно ли говорить о расцвете сибирской жизни, во главе которой стоит Митрополит Петр Блинов? Нужно ли говорить, что административным Отделом ведает брачный ерхирей? Я этим хочу сказать, что если монашество имеет достойнейшего представителя в лице председателя Священного Синода Митрополита Вениамина, то и белое духовенство равночестно с ним в своем служении Христу. Сама жизнь оправдала принцип семейного епископата. И я полагаю, что и в дальнейшем нам следует этот принцип расширить до тех пределов, которые нам укажет сама жизнь. На ряду с женатым епископатом стоит вопрос о второбрачии духовенства. Мы знаем, что второбрачный священник бывает несколько не хуже не женатого. У нас есть подобный пример. Второбрачный священник Екатеринбургский держит целый район, окруженный отчаянной тихоновщиной, в самом центре Ленинграда, а он женат на молоденькой девушке, и это все очень хорошо знают. У нас же очень часто пугаются просто своего воображения и готовы второбрачного священника объявить каким-то второсортным священником, как будто у него не одна и та же благодать, что и у неженатого. Теперь имеется практика, что второй брак Св. Синод разрешает только тем, у кого есть разрешение от прихода. Но нужно говорить правду: в приходских советах очень часто сидят такие люди, которым никак нельзя верить критерий моральности данного человека: поэтому, если данная община не принимает второбрачного священника, то не надо думать, что он ничего не стоит, ибо часто это община бывает сама настолько мерзка, что не принимает и хорошего священника. Нельзя устанавливать ценность человека только по отзыву, о нем должна дать отзыв высшая инстанция — епископ. Церковная община это — временный текучий коллектив, который судит не по принципу моральному, а по принципу регистрации в надлежащих органах. Поэтому я думаю, что в дальнейшем нам надо возможно шире выявить институт брачного духовенства, независимо от сложившихся обстоятельств его личной жизни, лишь бы он был хорошим церковным работником. Если же он имеет вторую жену и больше ничего не имеет, то ему не место в церкви, так же, как не нужен ей ничего не имеющий духовно, не женатый священник. Ценность священника заключается в его способности строить церковную жизнь, а не в семейных подробностях. Вот так понятый и так поставленный институт брачного духовенства и брачного епископата, должен дать огромнейшие силы, с которыми мы пойдем дальше по пути церковно-обновленческого делания. Наконец, 3-й момент. Мы полагаем, в президиуме Св. Синода пора выдвинуть вопрос о внешности священника. Мы живем в жизни, — простая истина, — которую мы забываем. Мы живем именно в жизни, а не в теплице церковной. Мне здесь хорошо и приятно: я уважаю мой белый клобук, как и присутствующие меня более чтут, как митрополита. Но если бы мы митрополиты выпли в этом белом клобуке на улицу, — сейчас же бы вызвали обратное отношение: над нами бы стали смеяться. Я много странствовал по земному шару, ездил в различных костюмах и знаю, что значит ехать в рясе и без рясы. Без рясы я — человек, а в рясе — Митрополит Введенский. Так однажды меня схватил один пьяный и держал в своих

объятиях, рассматривал меня с восторгом и говоря: «так значит вы такой и есть». Приятное переживание! Но это еще выражение восторга, а часто приходится слышать и худшее. Так, плывя по реке Амуру, я слышал гнусные речи матросов о Христе; они видели, что здесь сидит митрополит в рясе и так как было нечего сказать, что-либо по-моему адресу, то они стали ругать Христа, полагая, что это очень остроумно. На улице своим духовным, внешним видом мы вызываем часто лишь насмешки. Я не говорю уже о длинных волосах, я уважаю их, но для священника, имеющих их это — крест, который он несет ради того, чтобы не соблазнять малых сих. Но я не хочу этим сказать, чтобы все слушающие меня, после моего доклада, пошли в ближайшую парикмахерскую и сняли свои волосы, или бы стали спешно заказывать себе светские костюмы в мастерской Москвошвея. Мне вспоминается случай в одной епархии, как местный священник от пыла почтения к моей личности постановил на собрании духовенства, что отныне они все должны быть бритыми, из уважения к лидеру Введенскому. Это — конечно, ненормальность, но, во всяком случае, нужно идти и навстречу жизни, ибо это есть живое требование живой жизни. Поэтому, ношение светского платья и коротких волос, вовсе не является каким-то позором, конечно, там, где это возможно. У нас есть свидетельство — голос с места. О. Князевский рассказывает нам о студенте Михаиле Лыгине, окончившем Московскую Богословскую Академию, который служит священником в самой гуще казачества. А ведь казаки, как мы знаем, очень любят всякие традиции. О. Михаил ходит в штатском костюме и стриженный и несмотря на это, местные крестьяне-казаки не могут нахвалиться и порадоваться, как сообщает Князевский. Кто был на Украине, тот вероятно, присутствовал и на богослужениях самосвятов и видал самосвятское духовенство. Я сам почти ничего не ношу на усах и бороде, но когда присутствуя на богослужении их увидел человека 20 священников, абсолютно бритых, то мне было как то непривычно видеть их такими. Но я сам видел, как простой народ, самые раскрестьянейшие крестьяне, с каким благоговением они лобызали руку этих бритых священников. Мне вспоминается также случай в вагоне железной дороги, когда я снял клобук, то какой-то нэпман сказал: «под польку». И не успел я еще ничего сообразить, как один мужичек напустился на него: «чтож по твоему в волосах что-ли, у него архиерей-то сидит». И так он его пристыдил, что я ничего лучшего не ожидал. Одним словом, и мы не запугаем народ короткими волосами, но и длинными не привлечем. Поэтому я полагаю, что нужно пастырство, в этом отношении, приблизить к живой жизни. Вот те моменты, с которыми я выступил перед вашим высоким собранием. И я полагаю, что именно этим путем мы сделаем то великое дело спасения христианства, которое надлежит нам сейчас сделать. Сталем же на дело защиты великих спасительных идей православно-соборного творчества, чтобы имя Христа у всех, даже тех, которые не склоняют своих колен перед его алтарем, вызвало глубокое уважение. И чтобы для верующих образ Христа засветился во всей своей яркой православной красоте, явить которую миру и призвано наше обновленческое движение. Мы хотим коллективным опытом, устранить все индивидуальные недочеты, выявить красоту истинного, действительного православия, ибо веруем, что только через обновленную православную церковь и может быть спасена вся наша религиозная жизнь.

(Я прошу пропеть вместе со мною «Верую»).

I. Первые века христианства.

(К сектам всех направлений).

Обыкновенно наши сектанты ставят в вину православию то, что оно со времени императора Константина Великого вступило в союз с государством и на 1-м Вселенском Соборе начало догматическое и каноническое творчество, идущее в разрез с первоначальным, подлинным, по их выражению, христианством, и чем дальше шло время, тем дальше и дальше православие уклонялось от христианства, Христа и апостолов. Следовательно, с начала IV века христианство как бы свихнулось с правильного пути, вело людей только к религиозным

заблуждениям, даже, если хотите, к неверию, иначе чем можно объяснить лозунги наиболее воинствующих сект — проповедывать Христа всему миру, и их требования крещения по вере всех, присоединяющихся к ним, с игнорированием прежнего крещения, хотя бы совершаемого по Господню установлению. (Матф. XXVIII гл. 19 ст.). Поэтому и в полемике с православными все сектанты не желают делать, или не считают возможным делать каких-либо ссылок на то, что ценно для православных: постановления Поместных и Вселенских Собо-

ров, символ веры, каноны Церкви, творения Св. Отцов и учителей Церкви и т. д., равно как не признают и аргументов, выдвигаемых православными из указанных источников. Теперь станем на точку зрения сектантов, поставим временно точку на 313 году (год издания знаменитого Миланского эдикта) и спросим их: «а первые три века вы признаете или тоже вычеркиваете из истории христианства, а если признаете, то что именно признаете». Отрицать этой эпохи ни одна из сект (кроме разве хлыстов и хлыстовствующих сект, которые скорее могут быть признаны новыми религиями, чем христианскими сектами) не может и не дерзает. Ведь это была эпоха мучеников, кровию которых, по выражению церковной православной песни, украшена Церковь, как «багряницей и виссоном», на крови и телах которых утверждено христианство, как на твердом незыблемом фундаменте. Этого значения мучеников не отрицают сектанты. Но кто были эти мученики: баптисты, евангелисты, молокане, адвентисты, католики, протестанты? Нет. Это были чада единой тогда Св. Апостольской Церкви. Раз их чтит вся вселенская Церковь, раз все христианские исповедания, секты одинаково признают их великое значение в истории христианства и в этом объединяются все христиане, значит, там не было конфессиональных различий, разрывающих единство Церкви, свидетельствующих об упадке любви и ближних и потому обезличивающих и самые великие подвиги мученичества (ср. I Коринф. XIII гл. 3 ст.). Стало быть, мы договариваемся с сектантами в том, что признаем подвиги мучеников, их значение в истории христианства и их инконфессиональный характер, след. содержание мучениками чистого христианства, каким оно вышло от Христа и апостолов. Идем далее. Раз мы признали это, мы должны далее признать, что мученики, которым числа нет и кровь которых пролита по всей вселенной, принадлежали к Церкви, были ее членами, участвовали в ее культе, несли известные общественные и служебные обязанности в Церкви; некоторые из них занимались литературным трудом и сочинения их, сохранившиеся до наших дней, признаны подлинными самой строгой и беспристрастной критикой. В это время происходил ряд Соборов (т. н. поместных), на которых обсуждались вопросы церковного устройства и подвергались разбору и осуждению отклонения от истины христианского учения (гностицизма во всех его видах, манихейства, монтеизма и других), каковы отклонения и сектанты должны беспристрастно признать ненормальными явлениями в Церкви. Результатом деятельности этих соборов явились каноны Церкви и догматические определения, легшие в основу дальнейших догматических вероопределений. Ведь, нельзя представлять дело так, что все, что Церковь создавала, или точнее сказать, раскрывала в последующие времена, во времена Вселенских Соборов, во-первых, все целиком представляет уклонение от Христовой истины, во-вторых, все это является созданием последующих веков. Ни одна секта, претендующая на звание «рационалистических» не будет отрицать того, что арианство, македонианство, несторианство, монофизитство, монофелитство и др. секты эпохи Вселенских Соборов являются ненормальным явлением в жизни христианства; ни одна секта не будет защищать их положений, противоречащих Слову Божию. Но если так, то сектанты должны знать и помнить то, что эти секты, ереси, отклонения от универсального инконфессионального христианства были погашены деятельностью представителей Церкви, цепь коих идет далеко в глубь веков назад, в первые три века. Недаром Вселенские Соборы употребляли весьма точную и выразительную формулу: «п о с л е д у ю щ е Б о ж е с т в е н н ы м о т ц е м».

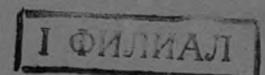
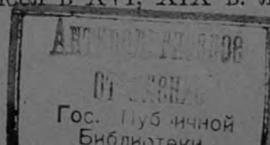
Что же, спросим мы сектантов: признавая мучеников, они признают только их мученичество за веру Христову и отрицают все то, что создано было ими для Церкви, для раскрытия учения Христова и апостолов, для организации церковной жизни, или нет. В целях беспристрастного выяснения спорных вопросов, разделяющих сектантов от православия, в целях устранения всего того, что препятствует объединению всех христиан воедино для борьбы против принесенных в Церковь исторических, мирских наслоений, я предлагаю всем сектантам, а наиболее их центрам, объединяющим их и являющихся выразителями их религиозного сознания, высказать свой беспристрастный взгляд на эпоху первых 3 веков христианства, и по

установлении правильного, точного, приемлемого для всех сектантов взгляда на эпоху мучеников, начать в полне объективное исследование этой эпохи, не такое «исследовательское» какое мы видим в журнале «Балтист», где печатаются статьи из Церковной истории почтенного редактора Одинцова, которые я стыдился бы печатать в солидном журнале: до того они тенденциозны, даже исторически неверны в некоторых местах, не говоря уже о том, что метод выхватывания отдельных фраз и выражений без всякой связи с предыдущим и последующим, без возможного толкования этих мест с точки зрения объективной критики, не может быть ничем оправдан и одобрен. Это объективное исследование показало бы, может быть, что сектантство часто не знает подлинного православия, что часто причиной разделения служит нежелание (по каким побуждениям, неизвестно) открыть чистую истину, не прикрашивая ее конфессиональной краской. Будем беспристрастными исследователями: прогуляемся мысленно по Римским катакомбам—по этому бесценному для всех христиан кладбищу мучеников; познакомимся с ними по трудам лиц, которых нельзя обвинить в конфессиональном пристрастии: Де-Росси, Мишеля, Фон-Фрикена, Крауса, Роллера, Вильперта и др. лиц, посвятивших свою научную деятельность исследованию катакомб. Проштудировав тщательно труды первых христианских писателей: Варнавы, Дионисия, Ерма, Игнатия, Поликарпа, Тертуллиана, Оригена, Киприана Карфагенского и др.; просмотрим внимательно новооткрытые памятники этой эпохи. «Учение 12 апостолов», «Апостольские постановления», исследуем «акты мученические», деяния Поместных Соборов того времени, исследуем чин древней литургии, который беспристрастная наука называет литургией Иакова Апостола,—посмотрим на все это не как на памятники Церковного Предания, которого сектанты не признают, а просто как на исторические памятники, которым мы должны верить. Я бы хотел выработать известную анкету вопросов, объективное разрешение коих даст возможность столкнуться по целому ряду вопросов разногласия.

- 1) Признают ли сектанты христианских мучеников?
- 2) Как они смотрят на строй Церковной жизни первых трех веков христианства?
- 3) Считают ли христианство первых трех веков инконфессиональным или конфессиональным; если последним, то к какой современной группе исповеданий относят его?
- 4) Признают ли указанные мною памятники христианской литературы первых веков историческими произведениями и я ми и подлинным даже с точки зрения самой строгой научной критики.
- 5) Признают ли за археологией значение источника исторических знаний, и если признают, то признают ли такое значение за археологией катакомб в Риме?
- 6) Согласны ли исследовать 3 первых века указанным мною методом в целях беспристрастного исследования истины?

При благоприятном разрешении вопроса результаты имеющих быть исследований не должны остаться достоянием только редакций журналов и центральных учреждений отдельных исповеданий. Наша цель — пустить эти результаты в широкие массы, которые больше всего и нуждаются в успокоении и которые меньше всего ставят в известность о том, что происходит в научной области, что открывает беспристрастное исследование.

Наш обновленческий опыт подхода к массам, раскрытия и расследования перед ними объективной истины, объективное разъяснение перед ними того, что разделяет нас с староцерковниками, приносит обильные плоды. Такие плоды должно принести и объективный подход к массам и сектантов, если будет внимательно исследована столь интересная эпоха в истории христианства. Беспристрастная история покажет нам, что современная история православия, обновляющего жизнь церкви, очищающих ее от исторических наслоений, явившихся результатом союза Церкви с государством и через это омирщение Церкви, через то, что было неизменным в истории Церкви за все это время «пленения» Церкви (ведь не могут же говорить сектанты на самом деле, что в Православной Церкви нет веры во Христа, и что они только, явившиеся в XVI, XIX в. являют миру эту веру) идет к пер-

вым трем векам христианства, тесно, скорее сказать, неразрывно связанным с веком апостольским, а через него с Христом.

Просьба ко всем сектантам откликнуться на эту статью или в журналах или в письмах в редакцию (Миссионерский Отдел). Проф. В. Белоликов.

II. На С'езде Временного Высшего Церковного Совета.

(Впечатления).

Не намереваясь писать подробную историю с'езда, так как мы не располагаем нужными для этого материалами, мы хотим поделиться лишь впечатлениями от этого с'езда, какие мы вынесли на заседаниях С'езда.

С'езд происходил 15—19 ноября в Соборном Храме Донского монастыря, в стенах коего помещается ВВЦС и живут возглавляющие его архиепископы. На с'езд прибыли все епископы, признающие ВВЦС, кроме Иоанникия, Архиепископа Днепропетровского, отсутствовавшего по болезни. Не было также и Митрополита Агафангела, на авторитет коего постоянно делались ссылки на С'езде и который использовывался для установления «каноничности» ВВЦС, как авторитет дважды правопреемника патриарха Тихона. Председательствовали на С'ездах архиепископы Константин б. Могилевский и Григорий Свердловский. Из остальных епископов выделялись: Епископ Борис Можайский, епископ Феофил Булдовский (один из инициаторов автокефалии тихоновцев на Украине) и епископ Иннокентий Ростовский (на Дону) б. Московский протоиерей. Остальные архиереи предсталяют серенькие фигуры как внешностью, так и по своему поведению на С'езде. Остальные участники с'езда, числом около 100 человек, представляли тоже серенькую массу, от которой уже отвык обновленческий взор. Из духовенства выделялся своей фигурой и выступлением какой-то Ростовский протоиерей, бывший миссионер, выступавший по многим вопросам с жаром и приемами прежних противостарообрядческих миссионеров. Среди мирян—много женщин, очевидно москвичек. Среди них 2—3 фигуры монахинь. Гостей, которые допускались до преградительного барьера по особым билетам, бывало человек по 100—150.

Мне не удалось быть на всех заседаниях С'езда, но то, что я видел и слышал, дает достаточно материала, чтобы составить ясное представление об этой Церковной группировке, ее идеалах, настроениях и т. п.

Первым вопросом, который разбирался в моем присутствии, был вопрос об отношении к Митрополиту Сергию и обновленцам. Первому доставалось, пожалуй, больше, чем обновленцам. В вину ему было поставлено его «неканоничность» захват власти в Церкви, запрещение в священнослужении епископов, подчиняющихся ВВЦС, а также история с Архиепископом Филиппом Гумилевским, переходившем в старообрядчество и возвратившемся оттуда обратно в тихоновщину. Последнее обстоятельство было использовано указанным выше Ростовским миссионером, который не смотря на то, что еще в 1905 г. официальным правительственным актом было запрещено употреблять по отношению к старообрядцам термин «раскольники», все время употреблял это название, что вообще прием Сергием Филиппа и включение его в Синод является одним из тяжких преступлений Сергия. Обновленцам в вину ставится Собор 1923 года с постановлениями о женатом епископате и второбрачии духовенства, а особенно «запрещение» (этот термин только и употреблялся) патриарха Тихона. Во время прений по вопросу об отношении к Сергию всплыло, чем собственно эта группировка и измеряется и что это у православия. Разговоры вращались все время вокруг легализации ВВЦС и патриаршего Синода. Когда один из мирян задал вопрос: «правда ли, что Сергиевский Синод легализован, о чем идет широкая агитация на местах», епископ Борис авторитетно заявил, что легализован только Синод, как временное учреждение, а на местах легализации нет и быть не может. Сергий ведет своей политикой духовенство к преследованию, а Церкви к закрытию. Такой ответ дал тон всем последующим разговорам, и какой бы вопрос не поднимался, ораторы, особенно митяне, обязательно сводили свои разговоры к легализации ВВЦС.

В резолюции по этому вопросу С'езд высказал, что он желает мира и с Сергием и обновленцами, при условии, если Сергий откажется от своего запрещения по адресу ВВЦС и подчиняющихся ему и признает власть над собой ВВЦС (т.е. совершенно ликвидирует себя как Заместителя Местоблестителя патриаршего престола, распустит состоящий при нем Синод и признает над собой власть ВВЦС). С обновленцами С'езд готов помириться, если они откажутся от «запрещения» патр. Тихона и от Собора 1923 года с постановлением о женатом епископате и второбрачии клириков. Очевидно, все-таки эта группировка терпимее относится к обновленцам сравнительно с сергиевской группировкой, которая признает у обновленцев только одно таинство крещения, а может быть из тактических соображений умалчивает о своем принципиальном взгляде на обновленцев, зная заранее, что на поклон к ВВЦС они не пойдут.

Интересен был доклад, а еще более интересны были прения по вопросу о церковной дисциплине. Докладчик, Ростовский на Дону протоиерей, охарактеризовал весьма тяжелое состояние Церкви вследствие страшного упадка дисциплины, рассказав несколько особенно поразительных фактов нарушения его, и пригласил мирян помочь епископам и духовенству восстановить Церковную дисциплину на основании канонов Церкви. Каждый из ораторов старался рассказать о фактах нарушения дисциплины, при чем один мирянин договорился до того, что нельзя ли попросить гражданскую власть установить в Церкви дисциплину, на что докладчик возразил ему, что у Церкви есть достаточно и своих средств для восстановления этой дисциплины. Один священник заявил, что весьма важным вопросом для поднятия дисциплины является брачный вопрос, именно, можно ли венчать лиц, вступающих в брачное сожитие в близких степенях родства, не служащих препятствием к гражданскому браку; можно ли венчать разведенных по Советскому Кодексу законов о браке и разводе; о праве эпитимии, и в частности отлучения от причащения. Между прочим, оратор заявил, что крестьяне в некоторых местах запрещают совершать церковные браки при указанных выше условиях.

Между прочим, в порядке прений выяснилось, что церковную дисциплину нарушают часто сами... епископы ВВЦС. Один священник заявил, что его запретил в священнослужении епископ Сергиевской ориентации. Он перешел к ВВЦС, и архиепископ Григорий снял это запрещение.

Доклад о духовном просвещении делал епископ Ростовский Иннокентий. Начав спокойным тоном о необходимости в настоящее время духовного просвещения, он воодушевился, когда по какому-то поводу вспомнил патриарха Тихона. «Его имя должно быть записано на нашем знамени. Он был кроток и смирен сердцем, а с такими людьми бывает сам Бог. Следовательно, и с нами—Бог». Но ведь и Сергий на своем знамени начертывает имя Тихона. Кто же больше прав и где причина разделения?

Докладчик сообщил проект устава пастырских школ и программу преподавания. В числе предметов преподавания оказалась включенной «этика марксизма», без знания которой, по словам докладчика, нельзя обойтись пастырю.

Некоторые делегаты настойчиво просили Президиум с'езда усиленно приглашать на работу в ВВЦС Митрополита Агафангела, который содействовал бы успеху ВВЦС.

Повторяю, что обновленческие Соборы и С'езды отучили нас от средневековья, которым пахло на С'езде ВВЦС и показали, что Церковь не должна быть консервативною в своих формах и что давление формы на сущность влечет паралич Церкви. Тут же видно было желание во что бы то ни стало сохранить форму, возвратиться к старине, а идеалом С'езда

служил все время Собор 1917—18 г., ссылаясь на который, а особенно считать его идеалом, принимая во внимание его дух, его политические стремления, и идеи, людям, заявляющим о своей лояльности, прямо-таки не деликатно, если не сказать преступно. Собор этот принес столько зла нашей Цер-

кви, что лучше бы не вспоминать о нем, а если уже вспоминать, то следовало размежевать то, что приемлемо из его постановлений для Церкви в настоящее время и что неприемлемо и должно быть осуждено.

Наблюдатель

III. О таинстве причащения.

(Продолжение).

Прежде чем приступить к разбору мест Св. Писания, в которых содержится православное учение о таинстве причащения и притом в православном именно смысле (пресуществление хлеба и вина в истинное тело и истинную кровь Христа), а также и разбору сектантских возражений против православного учения о причащении, я считаю необходимым сделать справку из первоначальной истории христианства, справку, которой не делали прежние полемисты против сектантства и которая дает богатый материал для подтверждения православного учения о причащении. Всем христианам, и в частности сектантам известно, какие обвинения выдвигали язычники против христиан в первые века христианства. Простой народ, который часто определял и направлял политику Римской власти по отношению к христианам, обвинял христиан в безбожии (в смысле отрицания языческих богов), в тиэстовских вечерах и эдиповских смешениях. Второе обвинение выражало народное представление о таинстве евхаристии. Передавали, что христиане питаются какою-то кровью, что они закалывают младенцев. Если же они и говорят о каком-то хлебе, то это значит только, что они посылают младенцев мукой, чтобы убить их более смелой рукой. Название—тиэстовские—имеет связь с легендой о царе Тиэсте, который, желая испытать всеведение Юпитера, предложил ему зарезать собственного сына. Третье обвинение выражало народное представление о вечерах любви. Говорили, что христиане на своих собраниях предаются страшному разврату, дальнейшим последствием которого является уничтожение детей (Болотов. Лекции по истории древней Церкви, т. I. стр. 11). Эти воззрения черны на христиан в начале II века уже проникли в высшие слои общества, о чем свидетельствует в своей переписке с императором Траяном проконсул Вифинии Плиний Младший, приписывая христианам преступления гнусные, омерзительные (там же, стр. 68). Спросим сектантов: признают ли они вместе с римским народом эти обвинения в буквальном смысле? Я уверен, что ни один сектант не будет обвинять первых христиан, кровию своею свидетельствующих об истинной, крепкой вере во Христа, в том, что они пили человеческую кровь в буквальном смысле и участвовали в каких-то гнусных оргиях, предаваясь на них разврату, тем более, что и сам упоминаемый нами Плиний по расследовании дела констатирует, что «ничего другого он не нашел в христианах, кроме суеверия грубого и безмерного». Что же означает обвинение христиан в том, что они питаются кровью, если следствие не подтвердило этого? Оно означает то, что язычники слышали от христиан о причащении тела и крови Христовой, могли присутствовать на общественных богослужениях, где читались и евангелия и послания Ап. Павла, могли присутствовать при последнем причащении христиан перед казнью на арене цирка; могли, наконец, слышать проповедь о таинстве евхаристии. Следовательно, все, что слышали и знали язычники о христианском причащении, убедило их, что они едят чье-то тело и пьют чью-то кровь. Этого обвинения не могло бы быть, если бы первые христиане причащались по-молочански—словом Божиим. Этого обвинения не могло быть, если бы первые христиане преломляли только хлеб по-баптистки, потому вкушение простого хлеба и вина, не меняющих в глазах верующих своей сущности, а служащих каким-то непонятным, если стать на точку зрения последовательного рационализма сектантов, образом, возбуждающим их веру в распятого Спасителя средством. Это обвинение, не подтвержденное в буквальном понимании, ясно свидетельствует, что первые христиане, мученики, верили и учили о том, что в причащении евхаристии они вкушают тело и кровь Господа Иисуса Христа.

Сектантам известно, что первые христиане, гонимые от язычников, обвиняемые в тяжких, позорных, с точки зрения язычества, преступлениях, иногда взывали к милосердию, справедливости и мудрости императоров. Сектантам известны выступления так называемых апологетов христианства, людей просвещенных, из коих многие были адвокатами. Почти все они окончили свою жизнь мученически. В своих апологиях они должны были касаться и указанного нами обвинения в том, что христиане питаются кровью. Известна апология мученика Иустина Философа, пострадавшего за веру во Христа в 165 г., в которой он, изобразив, как совершалась у христиан евхаристия, во время которой предстоятель, взяв принесенный хлеб и чашу с вином и водою, воссылал именем Сына и Духа Святого хвалу и славу, а также благодарение Отцу всего, в следующих словах выясняет сущность евхаристии: «Пища эта у нас называется евхаристией и никому другому не позволено участвовать в ней, как только верующему, что истинно то, чему он научен нами и омывшемуся омовением во оставление грехов и в возрождение и живущему так, как преподал Христос. Ибо мы принимаем это не как обыкновенный хлеб и обыкновенное питье, но как Иисус Христос Спаситель наш имел плоть и кровь для нашего спасения, таким же образом мы научены тому, что пища эта, над которою совершено благодарение через слово молитвы от него данное и от которой питается чрез предложение наша плоть и кровь—есть кровь и плоть того же воплотившегося Иисуса. (Апология I стр. 65—66).

В этой апологии для нас важно отметить то, что Иустин, защищая христиан от возводимого на них серьезного обвинения, нисколько не отрицает того, что действительно в евхаристии присутствуют реальное тело и кровь Христа и что христиане действительно вкушают этой плоти и крови, и только объясняет, что происходит это не посредством убийства и вкушения человеческого мяса и крови. Обыкновенный хлеб и вино, приносимые для этого верующими, после совершения над ними благословения и молитвы, перестают быть таковыми, а становятся плотью и кровью Христовой. Христианскому апологету легче было бы оперировать и защищать христианство, если бы он и все христиане его времени веровали и признавали и говорили всем, что хлеб и вино есть только символы тела и крови Христовой. Нет, апологет Иустин не похож на современных адвокатов, старающихся иногда доказать, что черное есть белое, и потому свидетельство Иустина мученика, которое может проверить каждый сектант, само собою, служит самым сильным и неотразимо очевидным свидетельством того, что во II веке верующие во Христа, верили в действительное пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Христа.

Подобные места, явно свидетельствующие о вере первых христиан в действительное присутствие в хлебе и вине истинного тела и крови Спасителя, могут быть указаны и у других уважаемых Вселенскою Церковью писателей первых веков христианства, из коих многие запечатлели свою веру в Христа своею кровью за него, но полагаем, что приведенное свидетельство Иустина в связи с обвинениями народных масс в тиэстовых вечерах говорит весьма красноречиво в пользу православного учения. Приведенное свидетельство, указывая ошибочность учений баптистов, евангеликов и адвентистов, подчеркивает еще больше ошибочность и тенденциозность учения молочан о причащении верующих словом Спасителя, ибо причащение кровью в указанных обвинениях явно противоположается и обвинению в антиязыческой пропаганде с одной стороны, и обвинению в участии в вечерах любви—с другой.

(Продолжение следует).

В. Белоликов.

IV. К статье „Староцерковники и Старообрядцы“.

(№ 7—8 «Вестника Св. Синода»).

По поводу этой статьи, в которой сообщалось о переходе в старообрядчество еп. Филиппа Гумилевского, ныне состоящего членом Патриаршего Синода и Управляющим Московской Епархией, некоторые старообрядцы, приемлющие священство от Греко-Российской Церкви, выразили недовольство, что я в этой статье считал Филиппа утратившим благодать епископства, «смазавшим» свою благодать старообрядческим миропомазанием. К утешению и успокоению как этих старообрядцев, так и всех, в ком эта статья вызвала недоумения, я пишу, что я оценивал переход еп. Филиппа в старообрядчество исключительно с точки зрения идеологии староцерковнической, которая до мозга костей пропитана взглядами старых миссионеров, по меткому выражению одного профессора, с о з д а в ш и х старообрядчество. С их точки зрения мы обновленцы лишены в 1925 г. совсем благодати священства. У нас есть только одно таинство крещение, которое по верованию Вселенской Церкви могут совершать и миряне. Поэтому они учат, что одно нахождение в лоне обновленчества влечет за собою лишение благодати, хотя бы она дана была правильно, старыми епископами-монахами. Отсюда перепосвящение епископов (напр., Антония — еп. Елизаветградского—старого рукоположения), священников и диаконов, переосвящение храмов, в которых служили обновленцы, кощунственное издевательство над св. Запасными Дарами, Св. Миром, хотя последнее виновно только в том, что находилось, лежало в обновленческих храмах, так как оно—с т а р о г о о с в я щ е н и я, потому что обновленцы мира ни разу не святили. Если обновленцы, ни в какой мере не изменившие православия и никем никогда не судимые, а тем более не осужденные, староцерковниками все без исключения лишены бла-

годати Св. Духа, даруемой в таинствах миропомазания, брака, елеосвящения, покаяния и причащения, а духовенство—благодати священства, то, что мы должны сказать с точки зрения самих же староцерковников, с точки зрения их писанных и неписанных канонов, о человеке, открыто, публично отказавшемся от православия, даже проклявшим его. Он уже не православный—это ясно для каждого староцерковника, а раз не православный, то тем более не православный епископ. Ведь такую измену православию не смыывает, по учению древних отцов, даже и кровь мученическая. В этом случае мы не видим у «монаха» Филиппа (таковым только староцерковники и могут его считать с их точки зрения) и тени раскаяния. В то время, как обновленческих епископов и священников староцерковники кощунственно заставляют «каяться» пред толпой староцерковнических кликуш, и в чем каяться? в измене православию?—нет: по отношению к проклинавшему православию Филиппу проявлено величайшее милосердие: его каяться не заставляли, не судили, даже о его преступлении никому не говорили, а если кто спрашивал об этом, то считали переход в старообрядчество клеветой старообрядцев. Все это заставляет нас задать вопрос всем староцерковникам: а где же ваши каноны, за которые вы готовы душу положить, за которые вы не хотите идти в обновленчество? История с Филиппом заставляет еще раз подчеркнуть, что с идеологией староцерковничества обстоит дело не ладно; там не все чисто, не все п р а в о с л а в н о, в угоду отдельным личностям, может быть их ценности для староцерковников в известный момент, приносятся в жертву и каноны и даже само православие.

V. Духоборчество.

(Его религиозная идеология).

Секта духоборов выступает организованно во второй половине XVIII в. почти одновременно в 2 местах: Тамбовской и Екатеринославской губ., с различными оттенками, при чем в начале XIX в. оба течения духоборства слились в одно, сохранив все оттенки и представляя поэтому чисто механическое соединение различных принципов.

Тамбовская губерния является родиной многих мистических русских сект: скопчества, духоборства, молоканства.

Зарождение духоборчества на Екатеринославщине тесно связано с судьбой Запорожской Сечи. С уничтожением последней при Екатерине, жившие там казаки и вообще соседи, жившие одной жизнью с Сечей, естественно остались недовольны правительством и вместе с тем Церковью, защиту которой они ставили на первом плане своей деятельности (вспомним прием в Сечь, описанный Гоголем в «Тарасе Бульбе»), и которая в трагический момент жизни Сечи ответила ей неблагодарностью. Эти сечевики, уйдя с Сечи, унесли с собой и дух ее и отколовшись от Церкви и поставив себя почти в независимое отношение к государственной власти, основали своеобразную религиозную и экономическую секту, принимая в нее всех гонимых на родине, беглых, ссыльных.

Колонизационная политика Потемкина при Екатерине II способствовала укреплению этой секты на юге, а потом и слияние указанных 2 течений воедино, с поселением на Молочных Водах.

Как религиозное движение, духоборчество представляет из себя секту, объединяющую несколько идеологий, пожалуй, даже скорее новую форму религии, лишь впоследствии усвоившую и воспользовавшуюся христианскими терминами и понятиями. Духоборчество отвергает всякую организацию церкви, весь культ (хотя жизнь и привычка создала своеобразный «культ» духоборов, описанный в журнале «Живая старина» 1905 г. № 3—4) и даже отвергает всякие п и с а н и я, признавая вместе с хлыстами, руководящим началом в деле веры и жизни в н у т р е н н е е откровение от Бога, действующего, по

учению сектантов непосредственно на сердце каждого человека. Этим непосредственным откровением особенно богаты были их отцы, от которых оно переходит по преданию из рода в род и хранится в памяти и сердцах всех духоборов, составляя так наз. «Животную книгу», содержание которой можно разложить на псалмы Давида, молитвы церковные и лирические произведения, составленные частью самими духоборами, отчасти заимствованные из сокровищ устной словесности, преимущественно апокрифов.

Кроме мистического начала, положенного в основу учения духоборов, в духоборчестве заметно еще отражение идей пантеизма (в учении о Боге) и дуализма (в учении о человеке).

Бог, по воззрениям духоборов, представляется не самостоятельным существом, лично и самобытно существующим, но как бы слитно и нераздельно пребывающим в мире и в их избранном духоборческом роде. Бог один, но в трех лицах, говорят духоборы, и поясняют троичность в смысле проявления различных сил в природе и в человеке: «Троица в природе: Отец—свет, Сын—движение, Дух—покой; в человеке: Отец—память, Сын—разум, Дух—воля; Бог—троица едина». Таким образом, Бог пребывает в человеке, как память, разум и воля, и Троица Божественная не имеет бытия самостоятельного, она существует в роде человеческом, и особенно пребывает в роде избранных и праведных, т. е. духоборов. Об Иисусе Христе у духоборов нет ясного и определенного учения. Одни считают Его силой божественной, проявляющейся в природе и в людях праведных, в Ветхом Завете—в патриархах, пророках и других благочестивых людях, а в Новом Завете—в духоборах; Он рождается, страдает, умирает и воскресает в сердцах каждого верующего. Другие говорят, что Христос был Сыном Божиим в том же смысле, в каком и духоборы называют себя «сынами Божиими». Цель страданий Христа состояла в том, чтобы подать пример страдания за истину.

Души человеческие, по учению духоборов, существовали до творения мира видимого и пали вместе с другими павшими тогда духами. Причиной падения была гордость человеческая

и его стремление к славе. После своего падения человеческие души стали посылаться на землю и облекаться плотью именно в наказание за это падение. Таким образом, внешний видимый мир и тело—это темницы души. Сюда душа посылается для того, чтобы чрез стремление к добру получить прощение грехов, или же чрез стремление ко злу подвергнуться осуждению на целую вечность. Так как земные тела, в которые облекаются падшие души, недолговременны, то духоборы пола-

гают, что душа по смерти одного тела, переходит в другое: души добрые переселяются в души других людей, а души злые—в животных. По переселении душа ничего не помнит из прежней жизни. Будущая жизнь будет заключаться не в воскресении бренных тел, а в воскресении падшего духа. Мир не окончится, а останется вечно; при кончине века грешники истребятся с лица земли.

Профессор В. З. Белоликов.

VI. Протодиаконское православие.

Всякий прибывающий в Москву провинциал, проходящий мимо храма, невольно обращает внимание на однообразные рекламы, которые висят постоянно на дверях и стенах Московских храмов. Эти рекламы гласят, что в данной Церкви в такой-то день будет совершаться богослужение иногда с участием такого-то архиерея, но с непременным участием такого-то протодиакона, при чем фамилия протодиакона бывает напечатана или написана жирным шрифтом, бросающимся в глаза издали. Иногда упоминается—при участии такого-то хора с солистами, под управлением какой-нибудь знаменитости в церковно-певческом мире. Такие рекламы можно найти на дверях почти всех без исключения храмов с маленькими вариантами, но непременно с протодиаконом. Не упоминается часто архиерей, или упоминается мелким шрифтом, но протодиакон обязательно фигурирует. Какой ориентации эти Церкви?—староцерковнические, признающие Митрополита Сергия. Даже около маленькой церкви Владимирской, что на Никольской, где служит Архиепископ Григорий, и там рекламируется какой-то протодиакон. Невольно задумывается приезжий: что это значит, и побывав в 3—4 храмах, послушав этих московских светил, понаблюдав за состоянием богослужения, настроением верующих, их поведением в храме, он вынесет совершенно верное впечатление: староцерковники думают протодиаконами поддержать православие. Столпы староцерковничества запатались, когда на сцену истории выступило обновленчество, показавшее, в чем смысл христианства и в чем залог победы его над миром. Не косность, не застой, не гангрена церкви, находящейся в параличе, должны быть отстаиваемы Церковью; не на отжившие каноны, самой жизнью уже осужденные, уже отвергнутые, должна опираться Церковь; не искусственными театральными мерами и полумерами должна привлекать Церковь верующих на свои богослужения: она должна в богослужении раскрывать подлинный смысл православного христианства, который лучше и сильнее самых голосистых протодиаконов привлечет и удовлетворит настроению верующей души. Что же мы видим на этих протодиаконских службах? Артистическое нараспев исполнение ектений, причем в угоду красивым нотам делаются иногда неправильные разрывы фраз, делаются неправильные ударения; звероподобный разнос концов многолетий, евангелий, выкричек и т. д., особое подчеркивание мест, наиболее «дорогих» молящимся: «о богохранимой стране нашей и о спасении ея»; «о страждующих, плененных»; «в узах и изгнании сущих» и т. д. А хоры? тоже играют на внешних эффектах, вводят и исполняют не церковные, театральные мелодии, не заботятся о том, что слушатели могли понять что-нибудь из того, что поется; в угоду эффекту часто нарушаются прямые требования устава (например, катавасии часто поются вместо ирмосов), не говоря уже о том, что богослужение сокращается самым непонятным, даже диким образом, выпускаются почти изменяемые части богослужения, смысл праздника, вложенный в чудные стихиры и каноны, совершенно теряется, стихиры и тропари канонов не читаются и не поются, лишь бы дать хору пропеть какое-нибудь музыкальное произведение или протодиакону выкрикнуть подлиннее какой-нибудь кусочек ектении. Как же относятся верующие к этому? Что же эти протодиаконы и хоры удовлетворяют полностью их религиозной потребности, захватывают всецело и заставляют перерождаться, делаться лучше? Нет, прослушав интересные номера

хора и ектении, верующие покидают храм в самые важные моменты (во время причащения, шестопсалмия и т. д.), разговаривают, делятся впечатлениями и тому подобное. Стало быть, все, что получали верующие от протодиаконов и хоров, имело мимолетный характер, не оставляло глубокого впечатления, не настраивало на лучшие лады их внутренних переживаний, не побуждало, не толкало их на лучшее, на усовершенствование, на бесконечное движение вперед к нравственному совершенству. Мы далеки от мысли отрицать значение пения и выразительного чтения, как сильных средств для проведения в сознание верующих могучего значения богослужения, только не считаем их целями, ценными самими по себе.

О чем свидетельствует этот печальный факт увлечения протодиаконом? Это очередное увлечение консерваторов, подменивших истинное служение Богу в духе истинного православия тем, что не отрывало бы их от земли, льстило бы их мирским интересам, мелочному самолюбию. Наша Русская Церковь с самого начала страдала болезнью обрядоверия. Думали служить Богу пудовыми свечами, длинным стоянием на коленях, тысячепудовыми колоколами, устройством величественных храмов, бесконечными поклонами и т. д. с забвением истинного смысла обрядов. Проходили века; духовное просвещение делало свое дело, указывая на необходимость углубления богослужения, одухотворения его; в этом помогли рационалистические мнения, секты, косвенным образом показывавшие, что нельзя только в этом одном видеть всю сущность христианства. Обновленчество окончательно открыло церкви, что нужно и этого не оставлять, но в то же время стремиться к тому, чтобы наше богослужение имело воспитательное значение, чтобы люди выходили из Церкви с истинным настроением, истинным горением к исправлению своей жизни на тех началах, какие указаны православием, и которые для лучшего понимания и усвоения, облечены в доступные для усвоения образы. Но старая консервативная Церковь выдвинула 2 новых догмата:

1) канонверие, в силу коего мертвым, отжившим канонам, основанным в большей части на традициях востока, освященных противным христианству союзом Церкви с государством, предпочитается живая христианская жизнь, приносятся в жертву идеалы христианства, самый смысл подлинного христианства его непрерывным ростом, вечным прогрессом к бесконечно-возвышенному идеалу—Христа, и

2) крайнее, узкое обрядоверие, вылившееся в такие формы, которых историческая наука не знает в прошлом и которым не может дать хотя бы подходящего определения. Протодиаконы, которых собирают со всей России, на которых находят громадные средства, которые живут куда лучше всякого архиерея, не спасут умирающей организации. Как за последнюю соломинку цепляются они за протодиаконов, не замечая, что более впечатлительные люди, не удовлетворяющиеся искусственной театральщиной, идут в секты, или совсем уходят из Церкви, или находят правильный путь и идут туда, где предпринимается великое дело освобождения религии от всего того, что накопилось в ней благодаря таким вот попыткам строить жизнь Церкви так, чтобы угодить миру и его интересам. К светлomu обновлению ведут в конце концов подобные попытки «спасть» Церковь, потому что истинно верующей душе нужна тихая, успокаивающая, далекая от всего шумного молтва.

Проф. В. Белоликов.

Новости библейской литературы.

I. Новый папирус, содержащий отрывок Деяний Апостольских.

В последнее время за границей на страницах богословских периодических изданий много внимания и места уделяется тому папирусу, содержащему отрывок из книги Деяний Апостольских, который в 1924 году был приобретен в Каире за дорогую цену Мичиганским университетом. Точное происхождение папируса осталось неизвестным. Папирус был в дурном состоянии, и потребовались вся проницательность и кропотливый труд такого выдающегося ученого специалиста в данной области, каким, бесспорно, является М. Sanders, для того, чтобы восстановить его текст. Дата возникновения этого документа может быть восстановлена только приблизительно. М. S. Sanders довольно решительно определяет ее между 200 и 250 г.г. после Р. X. Лягранж отодвигает ее к IV веку или же, самое раннее, к концу III века. Если сопоставить этот текст с текстом кодекса Безы, с одной стороны, и с текстом кодекса Синайского, с другой, то легко убедиться, что мы имеем здесь две фамилии текстов: один, который представлен кодексами синайским и ватиканским, с одной стороны, и кодексом Безы и вновь открытым папирусом, с другой.

Так называемый «синайский» кодекс, открытый в 1859 г. знаменитым Тишендорфом, в монастыре св. Екатерины на Синайском полуострове, относится по своему происхождению к IV или к началу V века. Тишендорф, конечно, переоценил значение открытой им рукописи, назвав ее первой буквою еврейского алфавита и, таким образом, поставив ее во главе всех рукописей, как кодекс «всех древнейший». Но во всяком случае этот кодекс—один из древнейших—единственный, который содержит весь Новый Завет. Ф. Зоден, выдающийся авторитет в области критики Новозаветного текста, ставит синайский кодекс уже на втором месте, после кодекса Ватиканского.

Кодекс Ватиканский, представляющий собою одно из величайших сокровищ палской ватиканской библиотеки со времени самого ее основания,—также относится, по своему происхождению, по всей вероятности, к IV веку. Тишендорф высказал мнение, что кодекс Синайский и кодекс Ватиканский принадлежали к числу тех рукописей, кои были приготовлены Евсевием Кесарийским, знаменитым церковным историком, по распоряжению императора Константина, для церквей новой столицы («Жизнь Константина», IV, 36—37). К мнению Тишендорфа склонился потом не менее его знаменитый ученый Каспар Ренэ Грегори. По Буссету и Ф. З. Зодену, как тот, так и другой кодексы своею родиною имеют Египет, и оба являются представителями, так назыв., рецензии Исихия (393—395 г.г.). По Ф. Зодену в этой рецензии мы имеем лишь одну из основных и важнейших рецензий более раннего текста. В наиболее чистой и характерной форме рецензия Исихия представлена в Кодексе Ватиканском; текст же кодекса Синайского уже испорчен. Рецензия эта характеризуется довольно важными опущениями в тексте, из коих некоторые, даже по сознанию самого Ф. Зодена, являются произвольными. В этом типе текста отсутствует, например, окончание евангелия Марка, повествование о жене-грешнице (Иоанн, VII, 53—VIII, I—II), об ангеле, явившемся для укрепления Господа при Гефсиманском борении и о кровавом поте (Лк. XXII, 43 след.), молитва о прощении распинателей (Лк. XXIII, 34). Из этих случаев Ф. Зоден высказался в пользу двух фрагментов (отрывков) Луки и объясняет опущение их в тексте исихиевой рецензии—или отрицательным влиянием параллельных текстов других синоптических евангелий или же возражениями, вызванными прогрессом хринологии. Но почему, в таком случае, нельзя предполагать чего-либо подобного и относительно указанных текстов св. Марка и ев. Иоанна? В Египте, наверное, знали об их существовании (заключение евангелия Марка находится и в недавно изученной рукописи Фира). Если же эти тексты опущены, то, очевидно, только потому, что по тем или иным основаниям примкнули к мнению тех, кои не считали их подлинными, и только. Здесь следует принять во внимание влияние Оригена и его школы с их до крайности критическим отношением к текстуальным проблемам. Клерк, большой знаток рукописного предания классических писателей, пришел к тому заключению, что совершенно нет

оснований поддерживать господствующее в науке текстуальной критике Нового Завета мнение, будто наиболее краткое чтение «есть наилучшее чтение», в смысле чтения наиболее правильного, подлинного. В действительности, по чисто техническим причинам изготовления древних рукописей, происходили нередко случаи опущения отдельных слов и, целых фраз в копии по сравнению с подлинником.

Небольшие отрывки Новозаветного текста, сохранившиеся на папирусах, были известны и до открытия настоящего папируса. Однако, таких отрывков мало. По объему же они весьма незначительны. Едва ли эти отрывки с уверенностью можно отнести к какому бы то ни было определенному текстуальному типу. Как эти фрагменты на папирусах представляют собой, вероятно, части карманных томов, написанных скорее для частного, чем для общего употребления,—так и знаменитые кодексы синайский и ватиканский, вероятно, принадлежали частным лицам. Отсюда они не могли обладать такою несомненною гарантией за неповрежденность текста и допускали возможность уклонений ради субъективных побуждений и случайных авторитетов,—во всяком случае менее, чем текст кодексов, предназначенных для употребления общественно-церковного. В этом случае церковный консерватизм заявил себя очень рано, не допуская отклонений—не только в выражениях, но и в отдельных словах—от раз усвоенной словесной формулы. Отсюда, не ради научных, конечно, побуждений, но из-за этого консерватизма, из-за глубокого почитания авторитета писателей этих документов, текст их, предназначенный для церковного употребления, подвергался наименьшим изменениям. Церковный историк Созомен передает (Церк. истор. I, II) следующий характерный случай. В собрании кипрских епископов около 350 г. Трифилий Ледрийский держал собравшимся речь, и в изречении: «возьми твою постель и ходи» (Иоанн, V, 8), вместо Новозаветного «краваттос» употребил более тонкое антическое «Скимпус». Тогда поднялся с своего места епископ Спиридон и перед всем народом укорил его: «разве ты лучше Того, кто сказал «краваттос», что стыдишься употреблять его слова?»

Время происхождения кодекса Бэзы, находящегося в библиотеке Кембриджского Университета, относится к VI или к V столетию. По мнению знаменитых английских ученых Весткота и Хорта, рукопись предлагает, примерно, тот текст, который по преимуществу был распространен во II столетии. Текст этого кодекса серьезно отличается от текста других рукописей Нового Завета, соприкасаясь с древне-сирийским и древне-латинским. Он содержит значительные прибавления к обычному тексту. Например, вместо Лк. VI, 5: «в тот же день увидавши некоего работающего в субботу, сказал ему: человек! Если ты знаешь, что делаешь, то ты блажен; если же не знаешь, то ты проклят и преступник закона». Особенно греко-латинский кодекс Бэзы уклоняется от обычного текстуального типа и содержит в себе важные отличия в книге Деяний Апостольских. А именно, он часто дает случаи распространенности в выражениях: III, I предваряет заметку о девятом часу внесением «в послеобеденное время». Немного новых деталей в известиях о деятельности Ап. Петра в Кесарии, а равно и по удалении оттуда. О событиях в Антиохии и Иконии за период первого путешествия Ап. Павла сообщается, что, несмотря на раздражение иконийских иудеев, Господь скоро даровал мир и т. д. Во всяком случае эта своеобразная редакция включает в себе глубокие и существенные различия,—откуда возникло предположение о «западной» рецензии новозаветного текста. Галльский профессор филологии Фр. Блясс предложил очень интересную попытку объяснения указанной особенности, собственно в отношении книги Деяний Апостольских. Блясс устанавливает, что уклонения кодекса Бэзы от обычного текста в названной книге не напоминают инородных наслоений, а находятся в живой органической связи с целым и по языку вполне отвечают стилю Деесписателя. Все данные особенности запечатлены характером первичности или принадлежат всецело «автору». Блясс предполагает, что так как Деяния были предназначены для знатного Феофила, то писатель постарался представить ему экземпляр исправный и хороший. При этом можно предполагать, что первоначально «второе слово» было написано на де-

шевом папирусе, не лучше имеющихся в Лондоне Аристотелевских фрагментов, и был испещрен вносками и поправками. Уже из этого сводного текста могли образоваться разные «рецензии» по невнимательности переписчиков и по техническим условиям тогдашнего размножения рукописей. Отсюда получились две формы одного произведения и получили начало и распространение два текстуальных течения. Явление это не заключало в себе ничего необыкновенного и странного. Напротив, существует достаточно подтверждающих аналогий, хотя бы в особой редакции 3-й демосфеновской филиппики. По Иерониму, Акилла выпустил в двух изданиях свой греческий перевод В. З. По собственному признанию Тертуллиана, его сочинение «Против Маркиона» испытало три переработки. Блясс напоминает о двух изданиях Аполлодорových Хроник, а Свида упоминает о двух изданиях аттических имен. Для позднейшей эпохи можно указать на пять вариаций английской поэмы «Piers the Plowman», из коих три обязаны самому автору. Большинство ученых встретили попытку Блясса весьма сочувственно, как вероятную теоретически и достаточно обоснованную фактически. Некоторые из них (Нестле) признали ее прямо гениальным открытием.

Определяя место и значение интересующего теперь Западный ученый мир папируса в рукописном предании, М. Sanders, прежде всего, констатирует, что в папирусе содержится 67 слов, совпадающих со словами кодекса Бэзы, против 22 слов, где он идет с кодексом Ватиканским против кодекса Бэзы. На основании самого тщательного изучения особенностей текста папируса сравнительным методом, М. Sanders, к которому присоединился потом и Фр. Лягранж, приходит к выводу, что папирус является не только более древним, чем кодекс Бэзы, но и гораздо вернее представляет тот тип, который является общим для них обоих. Кодекс в некоторых случаях явно уклонился от своего основного типа. Наиболее древний экземпляр типа в общем наиболее отличался от критического текста. В общем же сомнительно, чтобы текст распространенный, или, — как его обычно называют — западный, можно было привлекать для восстановления подлинного текста. Происхождение прибавочных текстов в кодексе Бэзы и — параллельно — в рассматриваемом папирусе — египетское. Они представляют собою попытку расширить текст частью историческим преданием, частью догадками, частью истолкованием текста и особенно стремлением устранить трудности. Папирус еще более обосновывает и утверждает данное предположение, опирающееся на факте сходства текста кодекса Бэзы с чтениями, помещенными на полях гераклесиановского египетского перевода. Характерно свидетельство папируса в значительном количестве случаев против кодекса Бэзы в пользу более краткого текста, представляемого кодексами ватиканским и синайским. В общем же папирус дает основание предполагать, что подлинный текст представляет собою какую-то равнодействующую между текстом критических изданий, опирающихся преимущественно на кодексы синайский и ватиканский, предлагающий, как известно, самый краткий тип текста, с одной стороны, и текстом распространенным, свидетельствуемым кодексом Бэзы и примыкающим к нему текстом рассматриваемого папируса — с другой. В общем и целом таким является церковный или — как его технически называют, — *textus receptus* («текстус рецептус»).

Эклектический (сборный) характер текста данного папируса не представляет собою — следует заметить — чего-либо особенного, неизвестного в истории папирусов, относящихся к классической филологии, содержащих текст писателей классических. И в этом случае наука чаще всего встречается именно с текстом характера эклектического, не показывающим решительного сходства ни с одной рукописью. В этом отношении можно сослаться на авторитет таких корифеев, больших знатоков рукописного предания классиков, как Grenfell и Hunt, Виктор Мартин, Гюй де-Будэ, Виктор Берар и др.

Рукописное библейское предание удостоверяет, что и текст кодекса Ватиканского исправлен и — конечно — не может быть признан автентичным (т.е. во всей точности отвечающим подлинному). Этим подрываются опыты так называемых критических изданий, как не обоснованные, хотя бы они принадлежали столь авторитетным и прославленным ученым, как Тишендорф, Весткотт-Хорт, даже Ф. Зоден, которые опирались в установке текста исключительно или преимуще-

ственно на один из кодексов — синайский или ватиканский, с отвержением документов, передававших текст, употреблявшийся в церквях. Необходима в применении к тексту новозаветных писателей критика, как ее называет Лягранж, «рациональная», приемы коей Мартэни Г. де-Бюдэ характеризуют так: «каждый случай (разумеется разногласия в показаниях рукописей, касающихся чтения того или иного места Свящ. Писания Н. З.), должен быть рассматриваем изолированно и решаем не по соображению авторитета или количества рукописей, которые представляют варианты, но путем рассмотрения контекста, особенностей термина» и т. д. Лягранж совершенно справедливо присоединяется к этой точке зрения и поддерживает ее новыми доводами.

Но принятие этой точки зрения с неумолимою логическою неизбежностью должно вести и к некоторым другим немаловажным выводам. И, прежде всего, нельзя уже будет игнорировать церковное предание в его исторической и догматической стороне, просто как ценное, первостепенной важности, научное пособие. К этому выводу приходит, напр., и такой корифей в области Новозаветной критики, как Тан. В предисловии к толкованию на евангелие Матфея, Тан определенно заявляет, что авторитет отцов Церкви в области экзегетической не только не может быть игнорируемым, но является первостепенным пособием не с точки зрения конфессиональной, исповедной, не с точки зрения именно научной. Такой высокопросвещенный отец Церкви, как, напр., св. Иоанн Златоуст — ученик знаменитого Ливания, — ужели менее понимал чисто филологически, т.е. с точки зрения особенностей языка — смысл и терминологию Свящ. Писания, чем любой немецкий эрудит (ученый) и особенно такой профан (человек несведущий) в данной области, как, напр., Артур Древе, занимающийся чисто формальными сближениями терминов, целых мировоззрений, несмотря на многочисленные факты, отрицающие его выводы.

В виду преувеличенного значения, какое придается текстуальной критике по отношению к церковному тексту — к *«textus receptus»*, весьма знаменательны разъяснения, принадлежащие известному знатоку этой специальности Каспару Ренэ Грегори — С. R. Gregory. По словам этого выдающегося ученого, кто считает текстуальную критику опасною и вредною, тот обычно не знает, как относительно ограничена та часть Нового Завета, которая подвергается действительному сомнению. По приблизительному вычислению Hort'a в его «введении», в тексте Нового Завета не менее $\frac{1}{8}$ слов из общего количества хорошо в текстуальном отношении обоснованы и принимаются без сомнения. В остальной $\frac{1}{8}$ части, представляющей законное поле текстуальной критики, большая часть спорных элементов состоит из различий маловажных, когда под вопросом стоят, напр., порядок слов и различие в буквальном начертании тех или иных слов. Так получается, что слова, относительно коих существует более серьезное сомнение, составляют — приблизительно — не более $\frac{1}{10}$ части Нового Завета. Но и это еще не все. Исследование остающихся в указанных пределах различий показывает, что многие из них имеют сравнительно небольшое значение. Окончательный вывод Hort'a тот, что область, где различия действительно более или менее значительны и серьезны, образуют «едва-ли более тысячной части» всего текста. Нагляднее положение дела можно представить таким образом. Скривеноровское 4-ое издание *textus receptus* 1906 года содержит менее 598 страниц, причем на каждой из последних несколько строк еще заняты указанием разночтений. Тысячная часть всего текста составляет всего лишь около $\frac{1}{2}$ страницы. Это, конечно, не очень много. (С. R. Gregory, *Einleitung in das Neue Testament*, SS (644—645. Westcott and Hort. *New Testament Introduction*, p. p. 1—3).

И так говорят ученые, достаточно критически настроенные.

Еще меньшее значение папирусные открытия дали в области самых памятников священной новозаветной письменности. В этой области каких-либо новых открытий нет, да и нет никаких оснований ожидать. В канон могли быть приняты только писания подлинно апостольского происхождения, а не какие-либо позднейшие переработки их, равно как и получившие начало от Апостолов не могли затеряться. Протестантская наука, в громадном большинстве своих представителей, все еще продолжает предполагать и искать апостольские первописания, как отличные от нынешних канонических

евангелий¹⁾. Такие ученые испытали сильное разочарование: ничего подобного им не отыскать в вновь открытых документах не удалось. Большую сенсацию (возбуждение) в ученом мире возбудило вначале двукратное открытие ученым Grenfell'ем и Hunt'ом, так называемых, оксиринских фрагментов, содержащих изречения, иногда близко напоминавшие известные нам из канонических евангелий изречения Господа, иногда же представлявшие несомненные их искажения, даже с явно еретическим характером, но выдававшие все их за подлинное изречения Господа формулой: говорит Иисус. В первый раз в 1897 году в Среднем Египте, вблизи Бенезы, древнего Оксирина, был найден и в том же году в Лондоне издан написанный по-гречески на куске папируса текст, который относится ко II или III веку²⁾. К сожалению, это был только один лист, повидимому, одиннадцатый (если помеченная на оборотной стороне его цифра относилась к пагинации, т.е. к обозначению страниц) из более или менее обширного письменного памятника. Но и в этом сохранившемся листе начало и конец оказались поврежденными. Да и в других местах находятся трещины и пробелы, так что только путем дополнений, добытых при помощи догадок, сохранившиеся слова составляют связный смысл. Оказалось, что документ содержит 7 или 8 кратких изречений, из которых каждое предваряется устойчивой формулой: «говорит Иисус». Отсюда не без тенденции³⁾ новооткрытый документ получил наименование: «Слова Иисуса» (по-гречески *Logia Iesu*). — Второй вновь найденный теми же самыми учеными и в той же самой средне-египетской местности фрагмент был издан в 1904 году, под названием «Новые изречения Иисуса» (*New Saying of Jesus*). Этот документ содержит пять изречений неодинакового объема, которые неизвестный христианин около 250 года начертал на оборотной стороне ранее употребленного уже для других целей папирусного свитка. К настоящему времени даже и протестантские авторитетные ученые признали, что найденные в Оксиринах отрывки не представляют собой существенной ценности⁴⁾, ни в коем случае не могут быть признаны сохранившимися подлинными изречениями Господа, неизвестными из других источников; что — во всяком случае — здесь примешаны «инородные элементы», искажившие дух учения Господа⁵⁾. В общем же и целом в разумеваемых отрывках мы имеем «извлечение из утраченного апокрифического евангелия⁶⁾ и — по всей вероятности — из евангелия Египтян⁷⁾, проникнутое односторонне-аскетически-модалистическим характером⁸⁾.

II. ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ АПОКАЛИПСИСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Коллекция *Handbuch zum Neuen Testament*, издаваемая под редакцией Х. Литцмана, из которой многие томы уже вновь перепечатаны, — наконец, закончилась Апокалипсисом. Труд этот, принадлежащий перу Е. Л. Мейера, превосходно исполнен в техническом (типографском и др.) отношении. В тексте Апокалипсиса автор усмотрел деление на строфы, которые он отразил и в своем переводе. Наиболее характерною особен-

ностью названного труда в экзегетическом отношении (т.е. в отношении истолкований текста) является то, что автор самое важное пособие для эзегета стремится почерпнуть в памятниках, современных происхождению христианства. В подражание М. Бауеру, последнему его изданию своего комментария на I евангелие, М. Лемейер много использовал мандейских текстов, пущенных в обращение переводами М. Липарского (а именно в его трудах, название коих в русском переводе — «Книга Иоанна Мандеев» и «Сокровище Мандеев»). Следует отметить, что гностический секте Мандеев отводится в последнее время на страницах заграничных богословских журналов много места. Поднимаются и решаются в самых противоположных смыслах вопросы о времени происхождения этой секты, о датировке документов, содержащих изложение ее мировоззрения. Нет недостатка и в опытах решения этих вопросов в том смысле, что секта Мандеев предшествовала христианству, каковое, будто бы, само много из его учения заимствовало. И. Лемейер пытается доказать, что Апокалипсис принадлежит к кругу тех доктрин религиозных, наиболее характерным представителем коих является именно мандаизм. В действительности же комментатор цитирует такие мандейские тексты, аналогия коих со священным текстом довольно отдаленна и не позволяет объяснять священный текст при помощи текстов мандейских. Ведь по самой природе мандаизма, который в своей основе является гнозисом, многие соприкосновения с христианством оказываются только позднейшим повторением, отдаленным эхом, христианских мыслей, христианских настроений, христианских выражений. Отсюда, при ближайшем рассмотрении всех деталей и при вдумчивом отношении к делу, экзегетическая сила принятого Лемейером метода оказываются иллюзией, несмотря на вербальное сходство привлекательных им мандейских текстов с текстом священным. Напр., 11, 28 выражается та мысль, что, так как Иисус все получил от Своего Отца, Он даст верующему «звезду утреннюю», т.е. Себя Самого, по формальному объяснению XXII, 16, и сообразно тому символизму, который применяется в IV евангелии, где Христос именуется «светом», Лемейер, вопреки этой совершенно Иоанновской мысли, предпочитает отождествлять эту «утреннюю звезду» со Св. Духом. Однако, какая для этого требуется изворотливость! «Звезда утренняя» есть Иштар, символизирующая Святого Духа. Возможно, что у Мандеев можно найти такой одиозный (т.е. вызывающий враждебное чувство) синкретизм (см., напр., Гинза 28, 26), представляющий собою объединение понятий христианских и языческих. Применение текстов такого характера для объяснения изречений Апокалипсиса можно признать не чем иным, как парадоксом.

Апокалипсис скорее следует толковать с помощью образов, учения IV евангелия. Таков результат получается из заключений самого Лемейера, и это одна из самых его больших заслуг, что он так тесно связал обе эти книги. Он устанавливает вполне доказательно, что основные понятия в них тождественны. Уже это одно, совершенно верное, наблюдение побуждает относить их происхождение к одному и тому же автору. Такое заключение усиливается еще одним важным аргументом (т.е. доказательством), касающимся языка. Много основных слов, выражающих существенные понятия, тождественны и в той и в другой книге. Различия между ними, на коих основывается отрицательная критика, зависят от традиционной апокалиптической формы. Эти новые, точнее сказать, обновленные, взгляды имеют значительную важность, и многим читателям *Handbuch'a* покажутся революционными. Апокалипсис представляет книгу, проникнутую глубоким внутренним единством, настолько решительным и определенным, что она противится всякому рассеянию и всякой интерпретации (т.е. предположению о вставках). Число «семь» проникает все священное произведение и направляет все детали. Вот почему Апокалипсис нельзя разделять между несколькими писателями, еще менее — между несколькими эпохами, — что предполагает различные переделки, различные редакции, различные наслоения.

Книга написана в последние 12 лет I столетия, Свидетельство Иринея (Против ересей V, 30, 3 — Евсевий, Церковная история, III, 18, 2 след.).

Профессор С. М. Зарин.

¹⁾ См. и С. R. Gregory, *Einleitung in das Neue Testament*, стр. 759: «три первые евангелиста имели общий источник. Следы его можно находить у Павия иеропольского, в его упоминании о Логиях». Ср. Н. Achelis, *Das Christentum in den ersten drei Jahrhunderten* 1 Bd., Leipzig, 1912, S. 23.

²⁾ А. Harnack, *Die Chronologie d. althristlichen Literatur bis Eusebuis*, Zw. Bd. Lpz. 1904. S. 178.

³⁾ Ср. и А. Harnack, *Beiträge zur Einleitung in das Neue Testament*. II. Sprüche und Reden Jesu. Leipzig, 1907. S. 132. Вопреки воззрениям современной критики, что б. м. только в конце 1-го столетия сиз евангелия Иисуса Христа образовалось евангелие об Иисусе Христе, А. Pottgiesser справедливо указывает, что евангелие с самого начала не было только или даже преимущественно возвещением слов учения Иисуса (так наз. собрание Логий), ибо от начала религиозный интерес последователей Господа сосредоточивался на Лице и искупительном деле Господа. *Johannes der Täufer und Jesus Christus*, Köln, 1911, S.S. 152—154.

⁴⁾ Zöckler в статье «Jesus Christus», *Realencyklopädie für protest. Theologie*, Herzog-Hauck'a³, IX Bd, Leipzig, 1901, S. 3; F. C. Burkitt, выражается мягче: «документы оксиринские... прибавляют очень мало к нашим сведениям об евангельской истории». *The Gospel History and its Transmission*, 2 edit, Edinburgh, 1907, p. 348.

⁵⁾ F. C. Burkitt, *The Gospel History and its Transmission*, p. 349.

⁶⁾ Zöckler, Цит. статья. S. 3.

⁷⁾ А. Harnack, *Die Chronologie*, II Bd, S. 178.

⁸⁾ А. Harnack, *Die Mission und Ausbreitung, d. Christentums*, II Bd. Lpz. 1906. S. 133.—Литература: Н. А. Sanders, *A Papyrus Fragment of Acts in the Michigan Collection. Extr. de the Harvard Theological Review* vol. XX, 1 Janv. 1927. Fr. M. J. Lagrange *Un nouveau Papyrus contenant un Fragment des Actes*.

Лекции из курса по каноническому обоснованию обновленчества.

Лекция Протопресвитера П. Н. Красотина от 29/VI—27 г.

На прошлой лекции, как вы, вероятно, помните, я говорил о том, что изменение в административно-церковном органе не влечет за собой никакого влияния на благодать. Я приводил вам, как иллюстрацию, из прошлого русской церкви— учреждение в XV веке первой митрополии 1448 г., вне зависимости от Константинопольского патриарха, говорил вам об учреждении Св. Синода при Петре, указывал на замену всех членов Синода последним обер-прокурором при временном правительстве Львовым, и созыв этим новым составом Синода Собора 1917—18 годов. Если бы противники ВЦУ, который заменяет теперь Св. Синод, не примешивали к оценке церковных событий не церковные моменты, то ни в коем случае они не могли бы быть противниками вновь образовавшегося в 22 году ВЦУ. Дело именно в том и заключалось, что они применяли иные мерки, чем их предшественники-современники митрополита Ионы, патриарха Иова или иерархи времен Петра. Но всякое событие однородного порядка требует, конечно, и одинаковой оценки. Если бы изменение в административном управлении влекло за собой изменение и во внутреннем строе церкви, то, безусловно, они должны были бы применять ту же мерку и к прошлой церковной истории. Если административное видоизменение не давало права обвинять последователей митрополита Ионы, или патриарха Иова, то, естественно, этого права не должно быть у современных противников ВЦУ. Точно также и иерархи собора 17—18 годов должны были бы не признавать собор 17—18 годов, потому что он был созван новым составом Синода, который был избран единолично обер-прокурором Львовым. Каноны церковные предусматривают, кого и когда можно чуждаться, кого считать лишенным благодати, а действия их безблагодатными. 74 ап. правило ясно и точно говорит, что можно только отчуждаться от того епископа, или пресвитера, или клирика, который будет осужден, за явные вины судом церковным—соборным или епископским. Но, как известно, ВЦУ никаким образом не осуждалось. Правда, нам известно из послания теперешнего заместителя патриаршего местоблюстителя, митрополита Сергия, что в апреле месяце 24 года, еще при жизни патр. Тихона, был организован какой-то собор епископов, который и осудил главных деятелей тогдашнего Синода, заменившего собой ВЦУ. Но замечательно, что осужденные этого акта не получили, не говоря уже о том, что никто из осужденных не вызывался на этот суд. Но, оказывается, что можно им, то недопустимо для нас. Как известно, собор 23 года не признается иерархами и многими верующими только потому, что на него не был вызван патриарх Тихон. Но ведь, все вы знаете, что вызвать патриарха не представлялось возможности, так как он был не на свободе, это—первое, а второе—вина патриарха, по предварительному протокольному обвинению, изданному совластью, была настолько очевидна, что его личное присутствие и не вызывалось никакой необходимостью. Поэтому если мы и нарушили формальность, то нарушили, главным образом, в силу обстоятельств, от нас независимых, да и кроме всего б. Патриарх в своих последних воззваниях к народу определенно признал то, за что осудил его собор 1923 г. Мы же были все на свободе, так что вполне было можно каждому из нас предъявить обвинение, и выслушать наши суждения, но этого сделано не было. При чем, здесь осуждались сотни епископов, тысячи священников заочно, и осуждались за то, что они осудили патриарха Тихона. Таким образом, за виновность, которая признавалась самим виновником и с которого эту вину никто не снимал, осуждались осудившие его; ясно, что здесь произошло полное попрание всяких канонических норм. Кроме того, заметьте, что патриарх, канонически, особыми правами по сравнению с епископами не пользуется. Он является таким же епископом, как и прочие епископы; он лишь первый среди равных. Об этом точно и ясно говорит 34 апостольское правило, которое читается так: «Епископам всякого народа подобает знать первого из них, и признавать его яко главу и ничего превышающее их власти не творить (без его рассуждения творить можно только то, что касается собственной епархии), но и первый, т. е. глава—ничто да не творит без рассуждения всех и т. д.

Видите, как ясно формулируются права первосвященника: без его власти ни один епископ ничего не может творить, кроме своей области, но и первый епископ ничего не может творить без рассуждения всех. По смыслу 74 правила, никого прежде суда церковного, признавать безблагодатным и отчуждаться от него, нельзя. О том же говорит нам и 6 правило 2-го Вселенского Собора, о том же говорят правила: 13, 14, 15 Константинопольского, двукратного собора. Эти правила имеют отношение, главным образом, к епископам, но эти же правила применимы и к пресвитерам. Таковы правила: 5-е первого вселенского собора; 9-е, 4-го вселенского собора, 14, Карфагенского собора. В древней церкви так на это и смотрели, и никого без суда церковного не осуждали. Всем известно, что Мелетий Антиохийский и Кирилл Иерусалимский, жившие в IV веке, в сан епископов были рукоположены еретиками, однако, никто не называл их безблагодатными. И не только не называли их так, но, наоборот, они были причислены к лику святых. И еще разительнее пример—Феофил Александрийский, организатор знаменитого собора под дубом 403 года, созванного против Иоанна Златоуста, на котором он был и осужден, не только не был признан безблагодатным, но его правила вошли в кодекс канонов, как руководство для жизни церкви. Его племянник Кирилл Александрийский был живейшим участником этого Собора, и злейшим врагом Иоанна Златоуста, а он считается святым. Председатель 4-го Вселенского собора Аполлинарий был рукоположен во епископа, руководителем разбойничьего собора Диоскором в 449 г. И так было потому, что до официального осуждения еретиков, даже таких, как Диоскор, рукоположение их признавалось законным и благодатным. Это нужно помнить нашим ревнителям не по разуму по канонам и благодати. Ничего в сущности не зная из учения о благодати и из канонов, многие берутся судить любого епископа и любого пастыря. А между тем, те же каноны дают норму того, как должен относиться клирик к своим духовным руководителям. Если кто прежде суда церковного досадит кому-либо из клира, то за это налагается определенное прещение. Так, если кто досадит епископу, то по правилам 54-му, 31-му, 84-му 4-го Вселенского собора—клирик извергается из сана, а мирянин отлучается от церкви. Такое же прещение применяется и к досадителям пресвитера—апостольское правило 56-ое, Иосиф Вол. в 7-м своем слове (просветитель) говорит, что прежде суда церковного никто не может епископа, или клирика заирать в чем-либо. О том же говорил не раз и Иоанн Златоуст. А особенно ясно говорил об этом Исидор Пелусиот. «Пречистые тайны не приемлют скверны, если иерей превышает в порочности своих пасомых, и если он не осужден, то совершаемые им таинства, не могут считаться безблагодатными». Древняя церковь и ее руководители прекрасно понимали, что благодать, как не принадлежащая человеку, а даруемая Духом Святым, может действовать и через величайших грешников, потому что действует не ради того, кто преподает, а ради тех, кому она дается. Всем нашим современным крикунам, не знающим церковной истории и канонических правил, следует посерьезнее задуматься над происходящим в церкви и поглубже и искреннее отнестись к причинам, породившим печальное настоящее. Если бы мы поставили церковь перед лицом канонической правды, в особенности церковь последних годов, начиная с 22 года и по сей день, то можно с уверенностью сказать, что никто бы перед этой канонической правдой не устоял, потому что столько здесь внесено канонической путаницы, столько поставлено преград, что без доброго намерения верующих и Божественной помощи выйти на объединяющий всех церковный путь не представляется возможным. Таким образом, ВЦУ, возникшее в 22 году с момента отказа патр. Тихона от управления церковью было вызвано к жизни исторической неотложной и неотвратимой необходимостью. И те, кто организовал ВЦУ, поставили себе целью узаконить это управление, и они употребили все усилия к тому, чтобы, как можно скорее, созвать собор. И, несмотря на все неблагоприятные условия, собор был созван в мае 1923 года. На этом соборе нужно было оформить все то, что было сделано за минувший год. Нужно было поставить на суд предшествующее учреждение ВЦУ и его деяте-

лей, чтобы получить или оправдание или осуждение. На этом же соборе надо было наметить дальнейшие поступательные пути к дальнейшей церковной деятельности, нужно было точно регламентировать пути церковной жизни при создавшихся условиях государственной жизни. Все это и сделал собор 23 года. Здесь был поставлен вопрос ребром: признает ли собор деятельность ВЦУ и его руководителей правильной. Должны ли были образовываться новые органы церкви и ликвидироваться старые, или же церковь должна была руководиться теми нормами, которые указал в своем последнем и единственном указе заместитель патриарха Митрополит Агафангел. Чтобы ответить на все эти вопросы, необходимо привлечь во внимание наш епископат, который всегда отличался самостоятельностью и близорукостью, — качествами, столь опасными особенно в ответственный для церкви период, как годы перелома общественно-государственной жизни. Кроме того, выполнить предложение митроп. Агафангела не было возможности и потому, что большинство епархий к тому времени лишилось своих прежних епископов. Их заменили новые лица, незнакомые практически с церковью и невольно искавшие опоры в прошлом, а потому трудно себе даже представить, какой мог бы получиться в церковной жизни хаос, если бы было выполнено завещание митрополита Агафангела. Тогда, безусловно, водворилась бы еще большая анархия, которую мы наблюдаем еще и сейчас в противном лагере. Собор 1923 года и начал свои деяния с осуждения деятельности бывшего патриарха и его сотрудников. Патриарх был лишен сана, монашеского звания и обращен в мирское состояние. Нам ставят в вину, что мы нарушили апостольское правило. По смыслу этого правила патриарх Тихон, как и всякий епископ, подвергшийся суду, должен вызываться на суд, при чем, если он не явится в первый раз, его нужно позвать 2-й раз и, наконец, 3-й раз и если он не явится в 3-й раз, то осуждение производится заочно и суд над ним считается законным, но это правило, конечно, имеет в виду нормальное положение обвиняемого епископа, когда он находится на свободе. Патриарх Тихон, во время суда церковного, был не на свободе, почему мы и не могли формально выполнить этого правила. Но, допустим, что это правило было нарушено, что же отсюда следует? Следует ли то, что приговор, произнесенный собором над патриархом Тихоном, незаконен. Конечно, нет! Кому неизвестно, что если преступник подвергается обычному суду и последним нарушается какая-нибудь статья, то осужденный не может считать себя только по этой причине правым. Он может лишь воспользоваться нарушенной статьей и направить дело в следующую инстанцию. Такова форма не только гражданская, но и церковная. Патриарху и давалась возможность, когда он оказался на свободе, воспользоваться этим формально нарушенным апостольским правилом и апеллировать к новому собору, к новому суду, как обычно поступает недовольный гражданским судом, апеллируя к Губсуду, наконец, Верховному Суду. Патриарх же пошел необычным путем и положил начало нарушению церковных норм. Он ни к кому не апеллировал, очевидно, так рассуждал. Если 74-е апостольское правило собором нарушено, то и он может нарушать невыгодные для него правила и спокойно возвратиться к деятельности, подобающей главе церкви. Но ревнующему о форме канонов следовало эту ревность приложить и к себе. Он должен был обратиться к 12 правилу Антиохийского собора и не самовосстанавливаться, а поступить так, как определяли церковные исторические и канонические нормы. Чтобы вам было ясно, я прочитаю это правило, из него вы увидите, что епископ, а в данном случае патриарх, недовольный судом собора 1923 года, должен был обратиться к большому собору епископов, а если он этого не сделал, то не удостоивается уже никакого прощения. Таким образом, самовосстановление или обращение за поддержкой к гражданской власти, по правилу, лишает обвиняемого всяких прав на оправдание. Так поступивший патриарх, как видите, потерял тем самым навсегда права на оправдание. У него даже не было никаких попыток до самой своей смерти искать оправдания перед церковью. Правда, он, как вы помните, обратился с рядом воззваний к мирянам, мирянам не организованным, т.е. не собранным, и не выбранным в определенные органы, которым потому самому не позволяется даже избирать себе пресвитера, тем более восстанавливать осужденного собором патриарха, а потому их прощение, не имея

канонической действительности, не могло дать права патриарху к самовосстановлению, а равно и амнистия его преступлений со стороны совласти. Всем известно, что перед властью патриарх покаялся, признал все свои ошибки. За что, как гражданин, неопасный для сильной власти, и был прощен. Перед церковью же патриарх не только не просил прощения, но, наоборот, осудил сам тех, кто судил его. Конечно, ни один осужденный не может быть доволен тем судом, который его осудил. Если бы осужденному было предоставлено право судить о правомочности судившего его суда, то, конечно, мы ни одного суда не могли бы довести до определенного конца. Всякий нарушитель определенных норм не подчинился бы ни одному суду, кроме того, который его оправдает. Патриарх Тихон воспользовался тем правом, которым не пользовался никто. Иоанн Златоуст, как известно, был осужден совершенно незаконно и незаконным собором: ему предъявлялись такие вины, о которых он даже и не помышлял и, тем не менее, он этому собору подчинился. Но патриарх Тихон, к сожалению, не был Златоустом во всех отношениях. Ободренный и одобренный известной частью качественно подобного ему клира и мирян, он приступил к служению, некогда ему порученному и, тем самым, по смыслу 4-го правила Антиохийского собора, как самовосстановившийся прежде суда церковного, извергся из сана, и все сообщавшиеся с ним подпали под отлучение от церкви. Приведенные правила красноречиво говорят о том, что патриарх Тихон схватился за одно 74-е апостольское правило, выгодное для него, и игнорировал все правила, явно его осуждающие. Нельзя думать, чтобы патриарх Тихон не чувствовал фальши своего положения, почему боялся всякого компетентного вмешательства в его дело. Нам известно, что когда Григорий VII, ныне покойный, патриарх Константинопольский, узнав о нестроении церковном, обратился к патриарху с предложением к нему — ради мира церковного удалиться от управления церковью, то на это братское, продиктованное любовью к церкви, предложение патриарх Тихон дерзко ответил, что патриарх Константинопольский не имеет права вмешиваться в дела русской церкви, забывая, что в прошлой истории русской церкви, именно, патриарх Константинопольский, имел всегда большое значение. Всем известно, что распри 17-го века, при патриархе Никоне, разрешались как раз восточными патриархами. В частности, Константинопольский патриарх имеет юрисдикцию вселенского патриарха и считается крайним, последним судьей церкви. Замечательно, что такую юрисдикцию за Константинопольским патриархом признавал даже такой наш недруг и такой близкий друг покойного патриарха, как Антоний Храповицкий. И примечательно, что когда в этом же послании Константинопольский патриарх упомянул о миссии, которая намеревается приехать для всестороннего исследования церковных дел, то патриарх прямо заявил, что миссию он примет только в том случае, если она придет непосредственно к нему. Здесь вновь нарушаются самые примитивные, не говорю законы, а даже обычаи. Если человек, из-за которого происходят нестроения в церкви, требует, чтобы лица, заинтересованные в этом деле, ехали непосредственно к нему, то ясно, что ни о каких законах и нормах виновный патриарх и знать не хотел, а приглашением миссии к себе вынуждал ее быть пристрастной. Почему патриарх держался такой тактики? Да потому, что он видел, что за ним идет народ, за ним же поплелись и наши предатели. Я говорю резко, но говорю настоящую правду. Ведь пока патриарх был в неволе, почти $\frac{3}{4}$ духовенства, $\frac{3}{4}$ епископов были с нами, но как только патриарх оказался на свободе, они тотчас пошли под его высокую десницу. И с того момента началось медленное, но верное изменение нормальной церковной жизни. Церковью стали править не архиереи и пастыри, а исключительно миряне. Сейчас не пастырь идет впереди овец, не пастырь является руководителем церковной жизни, а его паства, его пасомые. И в этом опять повинен покойный патриарх. У него была ставка на народ, эта ставка дала ему благополучие до смерти, но она создала неблагополучие для церкви еще при его жизни, которое осталось и после смерти. Восстановивший его народ морально распатал наш клир. Некоторые из вновь рукоположенных нами епископов отошли от нас и признали осужденного патриарха, в то время, как при наречении во епископов отрекались от него. В этом отношении заслуживает особого внимания епископ Тихон. При своем наречении во епископа

Усть-Медведь, Сталинградской епархии, он говорил такую страстно-патетическую речь против патриарха Тихона, что мы, слушавшие его, приходили в ужас, и думали: вот это — обновление. А он через несколько месяцев, проклиная нас, покаялся перед патриархом, а ныне благополучно числится членом ВВЦС. Это ли не свидетельство о моральной неустойчивости епископата? Итти по линии наименьшего сопротивления, итти за народом — легко заслужить народную похвалу; не требуется подвига от пастырства, стоит только ублажать мирские и житейские потребности, не налагать на пасомых никаких особых моральных требований, — и все будет великолепно... Вот почему Христос и сказал, что мир ненавидит только тех, кто идет против него, а кто в мире и с миром — тех мир любит, потому что они свои ему. Еще ап. Павел говорил: «Для меня похвала людей ничего не стоит, так как люди в своей похвале чаще всего основываются не на нормах Божественных, а на человеческих. Вот почему иерархи и пастыри, во все времена, угождавшие людям, были благополучны. И наоборот, те архипастыри и пастыри, которые идут Божественным путем и не обращают внимания на то, что говорит о них народ — всегда страдали и страдают. Такова судьба всех Златоустов, всех Григориев, всех Василиев. Я опять повторяю, что если бы даже и согласиться, что 74-е правило формально было нарушено, все равно, это не давало права к самовосстановлению патриарха и, тем более, не давало ему никаких прав осуждать тех, кто осудил его. Я вам прочитаю знаменательные и очень подходящие к личности патриарха Тихона страницы из послания 3-го Вселенского собора к Священному Собору Памфилийскому. Как известно, наш покойный патриарх отказался от управления церковью по особому трудному для него обстоятельству. Он отказался от управления по собственной резолюции до собора, а мы знаем, что при жизни патриарха никаких соборов не было, кроме собора 1923 года, который им не признан. А если это так, то и его резолюция от 5-го мая 1922 года, отказ от управления церковью до собора, могла потерять свою силу только после собора, который, очевидно, по его понятию, не должен был судить его, а такого собора не было. Значит, патриарх ни в коем случае не мог приступать к управлению церковью. По каноническим нормам, епископ, оставивший кафедру, по вынужденным даже обстоятельствам, без всякого соборного суда, или извергается из сана, или навсегда увольняется на покой. Аналогичные случаи в прошлой истории церкви бывали, а именно: Евстафий, митрополит Памфилийский, не мог выдержать натиска тогдашней жизни, и по малодушию отказался от управления митрополией. Когда эти тяжелые обстоятельства миновали, он решил снова подойти к управлению церковью. И вот, интересно, как разрешили этот вопрос отцы 3-го вселенского собора. Митрополит Евстафий, отличаясь слабостью и малодушием, боясь борьбы за церковные права, не чувствуя в себе силы для одоления противников, подал письменное отречение от кафедры первенствующего митропо-

лита областной Памфилийской церкви. Собором ему был возвращен только один сан. Следовательно, и в современной практике, оставление епископом своей кафедры должно считаться незаконным и достойным канонического осуждения. Когда патриарх Тихон отказывался от управления церковью, он, очевидно, был знаком с этим посланием 3-го Вселенского собора Памфилийскому собору, потому что оговорился, что он удаляется от управления церковью до собора. Значит, он сознавал, что только собор может вернуть ему это право, но когда вышел из неволи, то забыл об этом правиле, а когда его признал народ, так он совсем махнул рукой на все канонические церковные нормы, — благо их не знают не только наш простой верующий народ, но и большинство из образованных церковных людей. В третьем правиле Кирилла Александрийского проводится еще лучший случай из церковной истории. В нем идет речь о еп. Петре, представившем отречение от своей кафедры и, вследствие этого, подвергшемся извержению из сана, несмотря на то, что в правиле читаем: «Рукописание отречения дал он, как скажут, не по собственному произволению, но по нужде, по страху и по угрозам от некоторых». А староцерковники говорят, что патриарх отказался потому, что пришел Красницкий и, чуть ли не револьвером, приказал патриарху отказаться от кафедры. Петр, епископ Антиохийский, отказался от кафедры, как видите, не по собственному произволению, а по нужде; однако, несмотря на это, церковь извергает его из сана. То же самое находим и в 10-м правиле Петра Александрийского; в этом правиле он решительным образом осуждает тех, кто оставляет свои кафедры, особенно в тяжелые моменты для церкви. В правиле приводятся и слова ап. Павла к Филиппийцам, где ап. говорит: «Имею желание разрешиться и быть со Христом потому, что это несравненно лучше; оставаться во плоти нужнее для вас; и осуждению предаются те, которые бегут со своих мест, особенно тогда, когда их присутствие было бы особенно необходимо для того, чтобы спасти свое стадо, руководить им своими советами, поучать и утешать». К таким же людям особенно подходят слова Св. Луки, который говорит: «яко сей человек начал здати и не може совершити, вследствие чего достоин презрения» (Ап. Синт. IV, 30, стр. славяно-русск. перевод 10 пр. Петра Александрийского в кноте правил). Патриарх Тихон хотел что-то создать. Все мы прекрасно знаем, что он хотел создать оппозицию существующему строю, а когда заметил, что он попал в очень неприятное положение, то решил ретироваться, а потом во всем и раскаялся. Он хотел быть Гермогеном или Филиппом, но не рассчитал своих сил. Малодушный и трусливый — он был только Евстафием и Петром. Из всего сказанного мной вы можете видеть, что патриарх Тихон, если бы и не был осужден собором, то все равно, раз он отдал управление церковью другому лицу, он в лучшем случае мог остаться только епископом, находящимся на покое, но не правящим всею церковью.

Лекция П. Н. Красотина от 8/VII—27 г.

Сегодня предметом нашей беседы будет разбор 3-го положения, принятого Собором 1923 года. Это — вопрос о второбрачии духовенства. Казалось бы, менее всего, он должен был возбуждать смущение в народе и, особенно, в среде самого духовенства. Но, должно быть, действительно, мы живем в век странностей, когда и осознанные ненормальности сilyтся удержатъ во что бы то ни стало и вопреки практике древней церкви, основанной на слове Божию, на канонах, на всем, что является вполне достаточным для утверждения того или иного положения.

Священник или клирик-вдовец всегда заслуживал особенное внимание со стороны своего прихода. Сочувствие, особенно к молодому вдовцу с детьми, всегда было присуще русскому народу. И в конце XIX века, особенно живо стали интересоваться вопросом о вдовых священниках — допускать второй брак или не допускать? И уже потому, что этот вопрос выдвигался самой жизнью, можно было полагать, что разрешен он будет в утвердительном смысле. Так, еще в 1863 г., в Петербургских Ведомостях, № 135 — трактовался этот вопрос. При митрополите Филарете известен был случай, по резолюциям, сохра-

ненным епископом Леонидом, прежним Московским викарием, когда 3 священника Вологодской епархии, обратились с ходатайством на имя высокопреосвященного митроп. Филарета разрешить им вступить во 2-й брак. Но особенно сильно начал трактоваться этот вопрос с момента первых политических и церковных свободных веяний, именно с 1905 года. И замечательно, что в утвердительном смысле по этому вопросу высказывался даже нынешний руководитель староцерковников Митрополит Сергей. В этом же духе высказывались очень многие епископы, не исключая и такого непримиримого нашего противника, моего бывшего духовного начальника, нынешнего митрополита Ленинградского Иосифа, который за необходимость второбрачия для духовенства высказывался даже в присутствии мирян. И, в самом деле, где основания, по которым духовному лицу нельзя жениться 2-й раз? Таких оснований, можно сказать категорически, в Священном Писании нет. Если мы обратим внимание на требования к ветхозаветному священству, то увидим, что здесь не разрешалось вступать в брак лишь с явной прелюбодеей, т.е. особой сомнительного, в нравственном отношении, поведения. Об этом нам свидетель-

ствуется книга Левит (21 глава, стих 7-й). Здесь говорится, что ветхозаветные священники не могли жениться на вдовах; исключение делалось только для вдов после священников. Об этом свидетельствует пророк Иезекииль в 24 главе, 22 стихе. Христос, устанавливая таинство брака, по 14 главе евангелиста Матфея, ни слова не говорит о том, что священник не может жениться 2-й раз. Если же вопрос о второбрачии духовенства настолько важен, что человечество стало неразумно связывать с ним вопрос о благодатности, то полагаю, что Христос, как блюститель норм человеческой жизни, не мог бы обойти этот вопрос молчанием. Ап. Павел уподобляет брак—союзу Христа с церковью, а противников брака, проповедующих безбрачие, называют людьми, сожженными в совести своей. См. об этом первое послание к Тимофею, 4-ю главу, с первого по 3-й стих и первое послание к Коринфянам, главу 7-ю, стихи 5-й, 27, 28). Здесь ап. Павел вовсе не вооружается против второбрачия, но говорит, что женитьба, по существу своему, полагает большие неудобства, чем свобода от брака. Говорил так ап. Павел потому, что и сам он, как большинство христиан апостольских времен, ожидал близкое пришествие Христа. Эта мысль проводится неоднократно у ап. Иоанна Богослова. Об этом же особенно ярко говорит ап. Павел в послании к Солуньянам. И эта его проповедь о близком пришествии Христа настолько ослабила энергию людей, что образовались целые общества, которые прекратили всякую деятельность—продавали имущество, уходили в пустыни и ждали со дня на день пришествие Христа. Поэтому ап. Павел во 2-ом своем послании вынужден был говорить совершенно обратное тому, что говорил в первом послании. Так, во 2-ой главе 2-го послания к Солуньянам он умоляет не прельщаться близостью дня Господня. Ап. Павел приглашая вдовцев и вдовиц подражать ему в то же время говорит,—а если не можете, то лучше жениться и в этом нет никакого греха. Те же мысли высказывает он и в своем послании к Римлянам (глава 7-я, стихи 2-й и 3-й). В послании к евреям, главе 13, стихе 4-м, он говорит: «Брак честен и ложе не порочно». В этом отношении он не делает различия между первым и вторым браком. Что же касается брачного состояния клира вообще, то об этом он ясно говорит в 3-й главе, 1-м стихе первого послания к Тимофею. «Епископу (здесь разумеется и пресвитер) и диакону подобает быть мужу единой жены». Это самое пререкаемое место. Если, говорят защитники однобрачия духовенства, сам ап. Павел говорит, что епископу подобает быть мужу одной жены, то значит ни епископ, ни пресвитер, ни диакон не могут жениться вторично. Но для того, чтобы так говорить, нужны основания. Шестой вселенский собор повелевает в понимании слова Божия руководиться не собственным измышлением, а так как понимали св. отцы. И вот, если мы обратимся к толкованию того места, то увидим, что отцы церкви понимали его совсем не так, как понимают наши строгие ревнители высокой нравственности клира. А именно, Иоанн Златоуст в своей беседе на 3-ю главу из послания ап. Павла к Тимофею говорит следующее: ап. Павел имел здесь в виду язычников и иудеев, у которых практиковалось одновременное многобрачие, вот им то и запрещает ап. Павел быть епископами, а вовсе не говорит того, что епископ, пресвитер или диакон не могут жениться 2-й раз, ибо о второбрачии здесь нет ни одного звука. Ап. Павел говорит лишь, что епископу подобает быть мужу одной жены. На эти слова мы должны обратить особое внимание. В начале возникновения христианства, когда к церкви присоединялись иудеи и язычники, которые приносили с собой все нравы и обычаи, существовавшие у них, апостолам, и особенно ап. Павлу, как организатору церкви, приходилось сталкиваться с этими нравами и пролагать новые нормы христианской жизни. Он и борется не с второбрачием, а многоженством. Из истории древней церкви, мы знаем очень много примеров того, что клирики состояли одновременно и в законном браке и конкубинате. Эти же слова ап. Павла, что епископу подобает быть мужу единой жены, повторяет и блаженный Феодорит и говорит, что ап. Павел не осуждает 2-ой брак, а, наоборот, во избежание нареканий на священство, во многих случаях, побуждает к этому. Вероятно он имел в виду те места, из послания ап. Павла, которые я приводил. Возьмем теперь Василия Великого—этого аскета, который и к вопросу о второбрачии относится, именно, по аскетически, но и он не говорит о том, что клирик не может вступать во 2-ой брак. Он лишь только говорит в 4 и 24 правилах, что вступающий во 2-ой брак клирик подлежит той же эпитимии,

что и второбрачный мирянин. Нужно заметить, что древняя церковь не делала никакой разницы во второбрачии, между клириком и мирянином. Древняя церковь смотрела на второбрачие так, как учит об этом слово Божие. Сириций, живший в 341—398 году, свидетельствует, что современные ему епископы нисколько не сомневались рукополагать второбрачных в клир. Блаженный Феодорит, о котором я только что говорил, умерший в 456 г., в 436 году рукоположил во епископа избранного народом второбрачного Иринея. Также поступали все митрополиты Палестинской церкви. Однако, следует сказать, что практика древней церкви не отличалась однообразием, очевидно потому, что этот вопрос не считался настолько серьезным и важным, чтобы устанавливать однообразие при различных обычаях, какие были в той или иной поместной церкви. А обычаи были узаконены даже таким строгим собором, каким был 5/6 Тульский собор. 30-е правило этого собора определенно говорит, что обычаи поместных церквей должны сохраняться. И вот, в силу различных бытовых и церковных условий, практика древней церкви, по отношению к вопросу о второбрачии духовенства, была различной. Так Анкирский собор, бывший в 314 г., 10-м правилом, разрешает диакону жениться и после рукоположения, если только он заявит об этом перед рукоположением своему епископу. А Гангрский собор, бывший в 300 году, 4-ым правилом изрекает анафему на тех, кто не принимает причастия от женатого пресвитера. Но, очевидно, как соборы не старались разрешить этот вопрос, они разрешить его не могли. Замечательно, что по союзу церкви с государством, очень часто единообразную практику вводили не церковные руководители, а гражданская власть. Громадную роль в этом отношении сыграл император Юстиниан первый. Он первый обратил внимание на то, что в клире много второбрачных и разрешил этот вопрос в том смысле, что клирику 2-й раз жениться не подобает. В 530 г. он издает новеллу, в которой приказывает исключить из клира всех женатых после рукоположения. И эту новеллу он дважды подтвердил 4-ой и 22 новеллой, но все они, очевидно, успеха не имели. Позднее тот же Юстиниан—под влиянием аскета патриарха Мины—еще раз подтвердил эту мысль, но и эта новелла решающего значения не имела,—клирики продолжали жениться 2-ой раз. Все это нам свидетельствует о том, что второбрачие клира в древней церкви было укоренившимся явлением, и бороться с ним было не легко. Успеха не имели не только приказания церковных соборов, но и императорские. 5-е правило Трулльского собора, бывшего в 692 г., красноречиво свидетельствует что в клире было не мало второбрачных священнослужителей. И впервые Трулльский собор запретил второбрачие 3-м и 6-м правилом, при чем в основу этого Трулльский собор положил 17 ап. правило. 3-м правилом Трулльский собор запрещает второбрачие для клира, а 6—запрещает вступать в брак после рукоположения. Основываясь на 17 ап. правиле, отцы церкви говорят, что клирик может быть женат только однажды. Но упоминается ли в этом правиле о второбрачии? Безусловно нет. Я упоминал уже о конкубинате и сейчас остановлюсь на нем более подробно. В Греко-Римской практике и особенно в древней церкви, конкубинат был самым обычным и распространенным явлением. Вызывался он обстоятельствами того времени, так как по Греко-Римскому закону надлежало вступать в брак с женщиной, соответствующей общественному положению. А так как общественное положение не всегда совпадало с чувствами человека, то, наряду с браком, процветал и конкубинат. Он ограничивался тем, что в присутствии свидетелей заявлялось, что такой-то сожителем с такой-то. И этот брак, если он не получал равносильного значения с браком законным, давал право на узаконение детей и на известную долю имущества от сожителя. Конкубинат был настолько распространен, что прибегали к нему очень часто и особенно обращенные в христианство язычники и иудеи. Этому не мало способствовало отсутствие строгого различия между церковным и гражданским браком до Льва 6-го Мудрого (886—911 г.). В то время также, как и сейчас, считалось достаточной только регистрация гражданская. Таким образом, следить за нормальным брачным состоянием в древней церкви было очень трудно, и конкубинат процветал не только среди мирян, но и среди клира, и даже среди монашествующих. Об этом есть красноречивые свидетельства у Иоанна Златоуста. Прочитайте его поучения, сказанные в Антиохийской и Константинопольской царкве в обличение девственников и девственниц, открыто жи-

вших в конкубинате, конечно, под благовидным видом братства и сестричества, которым нередко прикрывается и наше современное благочестивое монашество. И только один Иоанн Златоуст, как пастырь, чуждый всякого человекоугодничества, решился назвать этот порок именно пороком, а не добродетелью. У нас же этот конкубинат называют именем Христовой, братской любви. Времена меняются, меняются нравы, а вместе с ними меняются и основания к оправданию того или иного положения. Трулльский собор 3-м правилом узаконяет единобрачие для духовенства, полагая в основу 17 ап. правило. А 17 ап. правило, фиксируя безбрачие епископата, полагает в основу 5-е ап. правило. В первом случае, на основании 17 ап. правила, собор утверждает единобрачие для духовенства, а во втором—безбрачие для епископата, и полагая в основу 17 правило, зачеркивает 5-е правило. Видите, как свободно обращаются соборы с правилами. А если бы это сделала современность, то конечно, такой собор был бы назван архи-еретическим. Тогда, очевидно, была иная обстановка; однако, судя по дальнейшему, думаю, что Трулльский собор многими клириками был не весьма приемлем, потому что, несмотря на категорическое запрещение второбрачия, оно продолжалось до XIX века. Почему же отцы Трулльского собора решили категорически запретить второбрачие духовенству? Оказывается, это было сделано исключительно под влиянием Юстиниана 2-го и папских легатов. Папские легаты старались, во что бы то ни стало, насадить в восточной церкви целибат. Но, к счастью, восток в этом отношении был устойчив. Против этого ненормального явления восстали со всей силой своего авторитета даже подвижники того времени. Тогда отцы Трулльского собора пошли компромиссным путем. Целибат они нашли неудобным для введения в восточной церкви, поэтому ввели нечто половинчатое,—пусть епископ будет безбрачным, а клирик однобрачным. Но замечательно, что и в трактовке этого постановления не было устойчивости. Собор делает некоторые послабления. А для того, чтобы вы не подумали, что я, как обновленец, говорю вам пристрастно о том, что собор запретил второбрачие духовенству в угоду царю—я прочитаю 3-е правило. Интересно то, что нигде 2-й брак не называется незаконным. И эта трактовка менее всего может быть оправдана словом Божиим. Вы уже слышали, что ап. Павел нисколько не осуждает второбрачных, он говорит лишь: «хорошо, если бы вы подражали мне, но если не можете жениться и вступая в брак во 2-й раз, вы не грешите». И Юстиниан 2-й, будучи сам в высшей степени безнравственным, как известно из истории, называет второй брак беззаконным. Кроме того, в этом правиле говорится не о второбрачии, а о двубрачии—имеется в виду конкубинат. Если бы 17-е ап. правило имело в виду второбрачных, то каким образом могло нарушаться ап. правило, что даже до конца VII века, до Трулльского собора, как свидетельствует сам собор, в клире было много второбрачных, да и после собора постановление его еще долго не исполнялось, и только гражданская власть, как и в еписк. брачном вопросе, проявила исключительный ригоризм и к второбрачию духовенства. Особенно потрудился в этом император Лев Мудрый. В своей новелле он говорит: «руководясь Божественными и приличными христианам постановлениями, мы признаем, что нелепность есть осквернение не только веры, но и природы и т. д.» И этот же император издал постановление признавать законным только церковный брак. Таким образом, его новелла ясно говорит, что, по крайней мере, до X века законным признавался брак, заключенный и вне церкви. Но и новелла Льва Мудрого не положила окончательного предела второбрачию духовенства. Много времени спустя после Трулльского собора и Льва Мудрого, знаменитому канонисту патриарху Антиохийскому Феодору Вальсамону (с 1193—1203) был задан вопрос Александрийским патриархом Марком: «Могут ли диаконы и иподиаконы вступать в законный брак после рукоположения. И ответ последовал в духе новеллы Льва 6-го, т. е.—нет. В 1255 г. монах Феодосий обращался с запросом по этому же поводу к Константинопольскому патриарху хартофилаксу—Никифору и получил ответ, что дважды женившиеся не могут оставаться на церковной службе. Таким образом, теперешняя практика в восточной церкви утвердилась только в первой четверти XIII века—через пять веков после Трулльского Собора.

Откуда же возник этот взгляд на брак, когда и в настоящее время находятся такие люди, которые особенно рьяно идут против второбрачия духовенства? Из церковной истории пер-

вых веков, мы видим, что и тогда взгляд на брак многих был неправильный, и особенно у тех, кто хотел быть очень чистым. А таким стремлением к чистоте в церкви первенствующей, отличались не столько христиане, сколько еретики. В первые века еретики гностического направления говорили о браке, как о чем-то нечистом. Они говорили: плоть есть темница духа, величайшее зло, с которым нужно бороться, которую нужно убивать. Ап. Павел в послании к Тимофею 4-й главе и вооружается против таких учителей, называя их сожженными в совести своей. Гностики неправильно учили о плоти человека и об окружающем мире. По их учению, мир произошел не от Бога, не от начала доброго, а от начала злого. Вот собственно этот гностический взгляд первых веков и дал повод относиться к вопросу о браке различно, смотря по тому—какой взгляд преобладал в данное время. Духовным руководителям приходилось считаться и с ригористическим направлением тогдашнего общества, в зависимости от этого и отношение к вопросу о браке было не одинаковым—то со всей строгостью, то с известными послаблениями. И в русской церкви по вопросу о второбрачии священнослужителей утвердился византийский ригоризм. Вследствие чего, вдовое духовенство, в большинстве случаев, проводило зазорную жизнь. С этим печальным явлением строгими мерами боролась и духовная и светская власть. Так известно, что Московский собор 1503 г. всех вдовцов заставил постригаться в монахи, или уходить из духовного звания. Удивительное законодательство! Думали, что если вдовец пострижется в монахи, то будет нравственнее. Правда, здесь возможны были иные соображения,—клобуком покрывался блуд—на незаконные сожителства монахов, духовная власть всегда смотрела и смотрит очень снисходительно. Известно, что когда Филарет м. Московский посетил в первый раз Троице-Сергиеву Лавру и очень заинтересовался стройкой одной из улиц, то ему ответили, что это прибавление к творениям св. отцов. Все это хорошо знали местные жители, но не обращали никакого внимания. Можно думать, что если бы у нас не было ревнителей не по разуму, то современное общество не могло бы так болезненно реагировать на положительное разрешение вопроса о второбрачии духовенству; тем более, что в настоящее время 2-й брак разрешается только с согласия приходской общины. Но монашествующий епископат, фарисейски ревнуя о чистоте, подобно древним гностикам, стремится всеми силами опорочить самую идею брака, считая его нечистым. Известно, что если не все, то многие из епископов-монахов брак как таинство не признают. Об этом чистосердечно свидетельствовал знаменитый в своем роде, митрополит Антоний Храповицкий. Он заменил даже таинство брака другим таинством, а именно, монашеством: монашество есть таинство, а брак не есть таинство! Поэтому-то незаконное брачное сожителство и не преследуется ими. Преследуется лишь брак законный, так как здесь сталкиваются 2 различных воззрения на существо брака. Мы твердо уверены, что здравый смысл русского народа и подлинная нужда заставят разрешить этот вопрос в положительном смысле, ибо этому не противоречит ни слово Божие, ни история древней церкви. Исключения делались даже в XVI и XVIII веках. А наши архипастыри, в том числе и митрополит Сергей, теперешний глава староправославия, разрешил этот вопрос в положительном смысле в 1907 г. Значит и постановление 1923 г. не есть что-то неканоническое, чтобы могло смущать умы людей, а наоборот, умы и совесть людей должны смущать незаконное сожителство духовенства, а не его второбрачие. Мы твердо уверены, что пройдет еще несколько лет, и этот вопрос ни у кого не будет возбуждать никакого сомнения. И сейчас кричат многие только потому, что надо что-нибудь кричать, чтобы оправдать свое положение. А когда крик не помогает, когда начинают убеждаться честные церковные люди в разумности реформы второбрачия духовенства, то эти крикуны и хотят подорвать ее с другой стороны. Пусть у них все правильно, говорят они, пусть хороши их реформы, но они нехороши уже потому, что собор их был неправильным, что представительство на нем было незаконное и, кроме того, на нем распоряжалась власть. Эти рассуждения для многих кажутся исчерпывающими, но на самом деле они говорят лишь о слабости тех, кто, во что бы то ни стало, стремится ослабить наше влияние на современность. Однако, жизнь, безусловно, работает на нас и за нас. Меня поражает, что вопрос о женатом епископате и второбрачии духовенства осо-

бенно волнует и возмущает женщин — они в большинстве ярые противницы этих реформ. Я не могу понять психики женщин. Женщина, как страдательное лицо, должна бы логически и психологически стать на наш путь, но не на путь противоположный. В этом вопросе у женщины должно бы быть больше здравого смысла, чем даже у мужчины. Можно, конечно, вещь идеализировать, но для идеализации все-таки нужно иметь реальную почву. Можно проповедывать о том, что всякий христианин должен быть совершенен, должен быть подобен Христу, но мы знаем, что этот идеал требует длительного пути, длительного подвига со стороны человечества. Конечно, было бы, быть может, лучше, и особенно сейчас, по очень многим соображениям, чтобы женатыми не были не только епископы, но и священники, почему мы не препятствуем нашим кончающим студентам принимать сан без женитьбы. Но мы знаем, что одно дело говорить, одно дело юношеский порыв, возникающий под впечатлением высокого пастырского идеала, а другое — сама жизнь. По житейскому опыту, мы знаем, что здесь-то, как нигде, и совершается падение. Поэтому собор 1925 года и разрешил этот вопрос в безразличном виде. Сейчас я остановлюсь на соборе 1923 г. Когда говорят, что состав его был не каноничен, что выборы на него были не свободные, то хотелось бы спросить тех, кто выставляет эти доводы, — знают ли они о том, как составлялись соборы вообще? Для этого не нужно ходить вглубь веков, не нужно заглядывать даже на вселенские соборы. Подойдем ближе к нашей русской церкви, к собору 17—18 годов. Кем и как собирался этот собор? Собор этот собирался последним обер-прокурором Св. Синода при Временном Правительстве, В. Н. Львовым, который к моменту созыва собора единолично, по указанию сверху, переменял весь состав Св. Синода, кроме митрополита Сергия, который удивительно всегда мог оставаться и уживаться. Кто же попал на этот собор? Много ли было там представителей народа, который составляет основу церкви? Их почти не было. Читая книгу деяний собора, вы встретите там князей, графов, генералов, полковников и редко, редко просто мирянина. На соборе без всяких выборов присутствовали: правящие архиереи, представители от Государственной Думы, от Государственного Совета, от высших учебных заведений, от академий и университетов. Эти то невыборные члены Собора и имели первенствующее значение на соборе. Перед собором 1917 года во многих епархиях не было даже епархиальных съездов, а епископ брал на собор по своему личному усмотрению, а тех, кого избрал епархиальный съезд, архиерей просто вычеркивал; так было в большинстве епархий. А возьмите более ранний собор — большой Московский Собор 1666—67 г., созданный для суда над патриархом Никоном и расколоучителями. Если бы вам заблагорассудилось прочитать деяния собора, то вы бы сразу почувствовали в речах протопопа Аввакума, попа Феодора и диакона Лазаря речи наших современных староцерковников. Они называли этот собор безблагодатным, что он нарушил всю святость в церкви, что благодать ушла на небо. И они имели большие основания говорить так, чем наши староцерковники о соборе 1923 года. Центральным деянием собора 1667 г. было лишение патриарха Никона сана. Первым подписал это деяние патриарх Иерусалимский Паисий, а он в то время уже не был патриархом; это установлено историческими документами. Патриарх Паисий был удален от управления церковью турками, и кафедра ему была возвращена по ходатайству нашего консула только в 1678 г. Интересен второй представитель и влиятельный деятель собора — Паисий Лигарит. Он воспитывался в иезуитской школе и, по окончании ее, был послан насладиться унию, за что и получал содержание от папского престола. Не порывая связи с папой, он был участником Московского собора. Жизнь свою кончил в Киеве без кафедры. Три епископа, особенно агитовавшие против Никона и настаивавшие на лишении его сана, в решительный момент отказались подписать протокол. Этим своим поведением они заставили задуматься массу — правильно ли осужден патриарх Никон? И несмотря на все это, деяния собора были признаны законными. У нас же на соборе 1923 года ни одного опороченного епископа не было; все они занимали определенные кафедры, и все подписались под осуждением патриарха Тихона. Но, к сожалению, на этом соборе оказалось очень много предателей, которые сегодня кричали «распни», а через 3 месяца запели «осанна», что уже

свидетельствует о том, что в нашем духовенстве, в том числе и его верхах, очень мало моральной устойчивости. В этом вся наша современная беда. Наше духовенство уподобляется тем облакам, о которых говорил ап. Иаков, которые носятся всякими ветрами. Староцерковники, не имея достаточных оснований к нашему опорочению, прибегают к совершенно ложным, ни на чем не основанным, наговором против нас, включительно до отрицания нами веры во Христа, как сына Божия, Божией Матери, Св. Таинств и кончая составлением символа веры, приписанного ими митрополиту Евдокиму. Таким образом, состав собора не может внушать недоверия к деятелям собора.

В настоящей лекции я остановлю ваше внимание на том, за что был судим и осужден патриарх Тихон. В основу этого суда были положены не только его церковные преступления, сколько проступки политического характера. Однако, нельзя сказать, и было бы ошибочно утверждать, что делают друзья бывшего патриарха, — что он осужден только по мотивам политическим. Несомненно, в основе суда лежали мотивы церковно-политические. Свое нерасположение к существующему новому строю и действиям представителей власти, он старался основать на церковно-каноническом учении.

Ему, как руководителю церкви, должно было заниматься только церковными делами, но, как сам он сознался в своем обращении к народу, всю свою власть, весь свой архиерейский авторитет он употребил для борьбы с Соввластью. Когда Соввласть решила приступить к изъятию церковных ценностей, патриарх, противодействуя этому мероприятию, в своем по сему случаю обращении для большего авторитета ссылался на 73-е апостольское правило, по которому, якобы, церковные вещи, и в частности сосуды и другие культовые предметы, употребляемые на литургии, ни в коем случае сдавать нельзя. Здесь патриарх Тихон переходит уже явно в своих доводах на церковную почву, а раз он базируется на церковной основе, то несомненно в этом проступке против совласти, он грешил не только, как политический преступник, но и как церковный. — Патриарх Тихон, ссылаясь на 73-е ап. правило, думал этим авторитетным правилом остановить клир и мирян от всех попыток к сдаче церковных ценностей, кроме тех остатков, на которые он указывал (подвески и серебряный лом). Сам патриарх, читая это правило, — а раз он ссылался на него, то безусловно читал, не мог не обратить внимания на то, что он делает передержку. 73-е правило говорит, что сосуды золотые или серебряные не могут быть взяты только для своего личного употребления. Толкование на это правило определенно разъясняет, — в каких случаях изъятие церковных ценностей рассматривается, как преступление, и в каких нет. И как раз в том случае, по которому соввласть решила изъять церковные ценности, это правило и не приложимо. Чтобы не быть голословными, я прочту толкование на это правило, толкование это находится в связи с 73-м правилом, и предписывает отлучать от церковного общения каждого взявшего, что-либо из церкви для своего домашнего употребления, называя такие поступки беззаконными делами. Это же было дело милости, заповеданной самим Богом, и к ней не может быть применимо это правило, ни другие, подобные ему. Вот как категорично понимала Церковь смысл 73-го ап. правила. Патриарх Тихон хотел этим достигнуть безусловно определенной цели: с одной стороны, противодействия совласти, а с другой — хотел втянуть верующих в борьбу, в действительности не основанную на апостольском авторитете. Такой поступок на обыкновенном языке называется подлогом, чем патриарху заниматься, безусловно, не к лицу. Результатом же такой, выражаясь мягко, неосторожности явились массовые аресты, масса судебных процессов и кровавых эксцессов. Вам — москвичам, вероятно, памятен кошмарный процесс Московского духовенства, на котором присутствовал сам покойный патриарх Тихон. Учитывая это обстоятельство, мы имели основания и апостольский авторитет, судить патриарха Тихона, как преступника церковно-политического. Очевидно, не церковными делами занимались иногда епископы и древней Церкви, так как если бы этого не было, то не могло бы быть и правил, которые бы парализовали строгими прещениями такую деятельность. Между тем, мы имеем целый ряд таких правил (Ап. 6, 20, 81, 83; 4, 3, 7; 7, 10; Кор. 16, Двук. II). В частности, 6-е ап. правило говорит: «Епископ или пресвитер, или

диакон, да не приемлет на себя мирские попечения, а иначе да будет извержен из священного сана». Отсюда ясно, что собор имел основание, по ясно выраженным поступкам патриарха Тихона, и судить его. Между прочим, говорят, что на соборе собрались исключительно противники патриарха Тихона, и не было его друзей. В действительности это было не так. То правда, что на самом соборе друзей у патриарха Тихона в то время, повидимому, не было. Но когда собор закончился, и патриарх Тихон оказался вскоре на свободе, то у него появились и друзья, которые ранее судили его, вместе с нами. На соборе 1923 года были епископы от всех епархий, и одних старых епископов было не менее 25. И все они, за исключением 2—3, подписали осуждение Тихону. Но и они официально тоже не протестовали на соборе. Но когда патриарх Тихон оказался на свободе и за ним пошел народ, который хотя и кричит о канонах, но которому так же мало до них дела, как не грамотному высшая математика, то многие «не ради Иисуса, а ради хлеба куса», сделались друзьями патриарха. Что же это значит? Это значит только то, что подписавшиеся под осуждением п. Тихона, а потом перешедшие к нему, никем не восстановленному, канонически подпали под ту же кару, как и п. Тихон. По смыслу 28 ап. правила, самовосстановившийся патриарх отсекается от церкви, а вместе с ним, конечно, и все вошедшие в общение с ним, т.-е. подвергаются тому же осуждению, как и патриарх. Только в наше, я бы сказал, морально упавшее время, можно было стать на сторону патриарха и его присных по духу и моральной гибкости. Говорят, что на соборе склоняли угрозами подписывать осуждение патриарху, почему все и подписались, хотя в душе с приговором и не соглашались. Когда же увидели, что за это не наказывают, то и поспешили покаяться. Такими мотивами можно оправдывать себя опять-таки сколько угодно только во времена морального упадка. Ведь мотивы то эти в высшей степени антиморальны. Крепость христианства оценивается не в спокойное время, а в моменты наибольшей опасности. А наши епископы поступили как раз наоборот; они показали всю свою неустойчивость, сегодня признавая нас, а завтра патриарха. Это уже верх аморализма. Таких архиереев и пастырей в моральное время чтить, конечно, не могли бы. В самом деле, как может быть руководителем народа тот, который сегодня идет направо, а завтра налево. Каноны и древняя практика таких перебежчиков если и принимала, то все же лишала даже права на священнодействия. Они могли носить титул епископа или священника, но действовать, как епископ или священник, не могли. У нас же не обращается на это ровню никакого внимания. Можешь хоть десять раз перевертываться, только в конце концов, признай патриарха Тихона, а теперь его преемника митрополита Петра и будешь в чести и славе, а если не признаешь, хотя бы ты и был по своему авторитету велик, все равно, ты бесчестен и бесславен, и звание тебе только «красный» и даже «безбожник и предатель». Это—небывалое явление в жизни Церкви. Все кричат о канонах, но с ними абсолютно не считаются. Все это и приводит Церковь к тому печальному положению, какое она переживает в данный момент. Итак, друзей у патриарха Тихона на соборе, действительно, не было, они появились потом, когда увидели, что за патриархом пошел народ, и он спокойно правит Церковью. Я вам читал послание 3-го вселенского собора Памфилийскому собору о том, что морально неустойчивые епископы, в моменты наиболее опасные отходящие от управления Церковью, уже тем самым лишаются епископского звания. Но у нас не так: патриарх Тихон, и теперешние его преемники и сейчас еще велики и авторитетны в некоторых кругах верующего общества. Конечно, велики они не своим церковным авторитетом, не своими заслугами перед Церковью, а чем то иным, какими то иными качествами. Что это за качества—говорить я не буду, скажу только одно, что качества эти—не церковные. Поэтому, как только мы начинаем говорить о мире, о желании изжить церковную разруху, та сторона не хочет даже и слышать об этом, несмотря на то, что во внутреннем их строе далеко не все благополучно: они начинают дробиться и терять единство. У них ест. Св. Синод при митрополите Сергии, ест. и Высший Временный Церковный Совет при архиепископе Григории. Спрашивается, что привело их к такому разделению. Та и другая сторона считает своим вдохновителем и учителем память покойного патриарха

Тихона, и его местоблестителя Петра. Корень один,—корень, по их мнению, единственно благодатный. Почему же от этого корня через 2 года после смерти патриарха Тихона пошли 2 ствола, настолько не сродные, что представитель одного из них называет главу другого не только недостойным носить звание епископа, но даже и звание православного христианина. Так говорит еп. Борис о митрополите Сергии. Что это значит? Как будто бы и благодать у них одна и та же, и родоначальники одни и те же, а общения нет. Судите сами, можно ли здесь усматривать церковные интересы? Конечно, нет! И мы не ошибемся, если скажем, что пройдет еще 2—3 года, и у них от одного корня будут еще 3—4 ветки, и это потому, что во всей их организации лежат исключительно мирские интересы. И как бы они на нас за это ни сердились, как бы ни негодовали, в действительности это так. Ведь когда Григориане отходили от митрополита Петра, так они печатно заявили, что не могут признавать Петра за его контрреволюционную деятельность. А когда увидели, что народ не пошел за ними, они очень быстро спохватились, и поспешили принять благословение от только что поименованного контрреволюционера митрополита Петра. И теперь об этой контрреволюционной деятельности его они крепко молчат, и даже для срыва авторитета митрополита Сергия утверждают, что митрополит Петр передал им управление церковью, но не Сергию. Так, в моменты откровенности, они сами сознаются, что деятельность их в церкви движется не церковными интересами, а интересами иного порядка. Нас часто укоряют за суровый приговор над патриархом Тихоном. К чему, говорят, такая строгость, как лишение его монашества? Почему-то у народных масс замечается особая жалость к патриарху Тихону? А почему не осудили до сих пор тех, кто судил митроп. Ростовского Арсения Мадиевича? А ведь это — замечательная личность. Он один из всех святителей синодального периода, не признавал крайним судией в церкви «Его императорское величество», а открыто и честно заявил, что крайний Судия в церкви — Господь Иисус Христос. С этого момента и начались гонения на него. А затем, когда был отбор церковных земель, Арсений, как и Тихон, дерзнул воспротивиться, и что же последовало за сим? Его судили епископы и как судили!? Услужливый Синод лишил его сана и монашества — растриг и под именем «Андрея Вралья» сослал в Ревельскую крепость, где он и скончал свои дни. И только через 200 лет, в 22 году, восстановили его в сане митрополита. А, ведь, миряне об этом даже и не заикались. Если бы у патриарха Тихона была хоть небольшая доля любви к Церкви, он мог бы и умиротворить ее, он мог бы получить и амнистию, но он сам не пожелал этого. Перед совластью он смирился до крайности, исповедал все свои прегрешения, а перед Церковью не только не пожелал раскаяться, но явился даже судьей всей церкви. Все оказались виновными, кроме его самого. Он откровенно сознался, что употребил весь свой авторитет против совласти, но в этом он не так виноват, как думают: «Во-первых, говорил он, меня так воспитала школа, в которой я учился, во-вторых, среда, которая меня окружала и, в третьих, злоумные люди, которые толкали меня на это. Сам же я, если бы не было злоумных людей, был бы самым советским человеком». И совласть, видя такое его раскаяние, поняла, что этот человек не страшен, что в нем нет ничего прочно-устойчивого. На любое дело, в любую сторону его могут толкать злоумные люди, значит его могут толкать и умные люди в другую сторону. Совласть и решила толкнуть его в умную сторону, и сделала его, если верить его предсмертному завещанию, самым надежным гражданином республики. В своем последнем завещании он признал совласть, как истинную народную, Богом данную власть. Правда, говорят о подложности этого завещания, но ведь этот подлог мог сделать только митрополит Петр и ниже с ним, поскольку он вручил это завещание совласти. Если бы патриарх так же, как перед властью, раскалялся перед церковью, то несомненно, для блага церкви он был бы восстановлен в сане патриарха. Перед собором 1925 года, желая мира, мы предложили митрополиту Петру и всем староцерковническим епископам создать общую комиссию, для предсоборных работ, если бы это состоялось, если бы староцерковники пришли на собор, то был бы восстановлен мир, а патриарх Тихон, для общего церковного умиротворения был бы восстановлен в сане. Но староцерковникам

мир не нужен, им нужен раздор, так как в этом раздоре они почерпают себе особое уважение и особый авторитет, а главное, материальную обеспеченность от народа. Они понимают, что, примирившись с нами, на 70—80% потеряют от того, чем пользуются сейчас. Таким образом, патриарх Тихон должен был быть лишен не только патриаршего звания, за свое чрезвычайное упрямство, но и монашества. Да и что такое само по себе монашество при епископе? Это бессмысленный придаток, хотя епископство и монашество исторически настолько связаны, что не могут, как будто, и мыслиться одно без другого. В самом деле, что такое епископ монах? Разве были наши епископы монахами, в полном смысле слова? Конечно, нет! Я не могу понять, каким образом епископы, принимая монашество, могли давать такие обеты, которые никогда не исполняли. Ведь вы прекрасно знаете, что монахи отрешаются от власти, от управления, от всяких мирских интересов, в частности от сребролюбия, как корня всякого зла. А в действительности монахи-епископы обычно владели всем этим по избытку. Власть епископа-монаха в прошлом была даже силь-

нее власти губернатора. Вот почему у нас и имеются точные и определенные правила, запрещающие монаху быть епископом. 2-ое правило Константинопольского, поместного собора, бывшего в 879 году, ясно говорит — «аще который епископ, или кто иной архиерейского сана, восхощет снiti в монашеское житие, и стати на место покаяния: таковой впредь уже да не взыскует требования архиерейского достоинства...». А наши доморожденные канонисты даже едва-ли слышали о нем. У нашего монашеского епископата ничего идейного от монашества не осталось, а поэтому, лишая патриарха Тихона монашества, мы были вполне правы, так как в сущности монахом он никогда и не был, а если и был таковым, то по логике 2-го Константинопольского Собора, он не должен быть патриархом. Мы осудили патр. Тихона, как деятеля, поддерживавшего мнимые церковные интересы с гибельным для церкви политиканством. И с этой точки зрения мы осудили его вполне законно.

(Окончание следует).